

Пролог

Макар окинул скучным взглядом присутствующих в зале. Многих из них, с ног до головы упакованных в статусную обертку от Brioni и Ermenegildo Zegna, он знал лично, в первые полчаса уже успел со всеми поздороваться и перебраться парой обязательных вежливых фраз. С другими если и не был знаком, то примерно представлял, кто есть кто и кто чем дышит, незнакомцев здесь по пальцам можно было пересчитать.

Неудивительно, местная бизнес-тусовка в залетных нужды не испытывала, разве что в желающих поудачнее пристроить деньги, а таких Ямпольский вряд ли стал бы приглашать. Он из той, особой породы, на которых глянешь один раз, и сразу становится ясно — этот человек в деньгах не нуждается очень давно и нуждаться не будет. И не просто в деньгах, а в больших.

То, что Арсен Ямпольский любитель пустить пыль в глаза, Макар слышал не раз, вот теперь смог лично убедиться. Можно было ограничиться бизнес-ланчем и презентацией, но нет, этот сноб устроил настоящее шоу рейтингов и финансовой привлекательности своих потенциальных партнеров.

По такому случаю арендовали самый пафосный столичный ресторан, потенциальные партнеры были приглашены с женами, может быть потому, что сам Ямпольский недавно женился — поговаривали, на какой-то малолетке, вроде ей едва исполнилось двадцать, — и теперь везде таскал с собой не только жену, но и их мелкую дочь. Хотя если новоприобретенная госпожа Ямпольская в самом деле так молода, откуда там взяться дочери? Ямпольскому сорок пять, но судя по всему, молодая жена действовала на него как убойный эликсир молодости — выглядел Арсен Павлович шикарно.

Тала Тоцка

— Бедная девочка! Наверняка так расстаралась, чтобы залезть от Арсена, что ему совесть не позволила не жениться, — съязвила Аленка, но Макар лишь поморщился.

Ему не было никакого дела до семьи Ямпольского, гораздо больше его интересовали активы и представленные бизнес-проекты. В частности, самый последний, к которому Макар Демидов рассчитывал присоединиться.

Ради этого можно было вытерпеть и жену Ямпольского, и потенциальных конкурентов на предстоящем отборе. В себе Демидов не сомневался, он знал, что партнерство у него практически в кармане, стоит им с Арсеном сойтись на более короткой дистанции.

Земельные участки, доставшиеся от отца, придавали стопроцентную вероятность успеху Демидова, но торопить события он не видел никакого резона, пускай все идет своим чередом. Следует выждать и поймать удачный момент, в идеале, чтобы Ямпольский сам вышел с предложением. В переговорах Макар всегда предпочитал стоять на одну ступеньку выше.

Аленка — умница его! — всю щебетала с женами местной банковской элиты, да уж, тут Макару несказанно повезло. Жена не только умница и красавица, благодаря ей у него никогда не болела голова, какое впечатление Демидовы произведут на окружающих в неформальной обстановке, об официальной и говорить нечего. Вполне респектабельное и благоприятное, здесь он мог полностью на нее положиться. Мечта, а не жена.

Сам Макар считал не часы, минуты, когда можно будет отсюда свалить, быть может, снова забуриться в ресторан, но только бога ради, не с такой прорвой народа. С каких пор градус его настроения стал обратно пропорционален количеству окружающих его людей? Стареет, что ли...

Макар посмотрел на Алену, и та, поймав взгляд мужа, тут же улыбнулась в ответ. Красивая такая, его. Мужчины обращали на нее внимание, и Демидову это льстило. Ревновать жену ему и в голову не приходило, он же уверен в ней, как в себе.

Подожел и собственнически привлек за талию. Демидов с юности знал, что его женой будет только Алена, он влюбился в нее в восьмом классе, она из состоятельной семьи, его ровня в отличие от...

В руке треснула зажигалка, и он беззвучно выругался. Недавром он запрещает себе не то что мысли, а любые поползновения в запретную сторону. Нельзя. Табу. Иначе мигом вырубит, выбросит из реала, отзовется внутри оглушительной пустотой, а потом

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

вспыхнет клубком из раздирающих в ключья эмоций и тонкого, звенящего, пронизывающего короткими импульсными токами возбуждения, которое просто невозможно утолить. Эти неконтролируемые всплески неизменно выбешивали обычно всегда выдержанного и уравновешенного Макара Демидова, вот как сейчас, стоило лишь вспомнить.

Так зачем ему такое счастье? В его жизни все отлично, бизнес, семья — да, их только двое, но это ненадолго. Его умница-жена пока в поиске себя, и Макар не торопит, он все отлично понимает. Он любит Аленку и всегда любил, а то, что было — это так, временно. Алена тоже была замужем, это ничего не значит. Однажды он сделал правильный выбор между сносящей крышу близостью и любовью всей жизни и ни разу не пожалел...

— Мак, посмотри, как такое может быть? — голос жены прозвучал беспомощно и даже жалко.

Макар проследил за ее взглядом и остолбенел. Алена жалась к нему, что-то сбивчиво шептала, в ее голосе, жестах, глазах отчетливо сквозил страх, но Макар больше не видел ничего и никого, кроме жены Ямпольского. Та держалась за локоть мужа и стояла очень ровно, распрямив худенькие плечи. Но Макар на сто процентов был уверен, что внутри она предельно напряжена, того и гляди лопнет струна, заставляющая изо всех сил тянуть спину.

Слухи оправдались, она и правда оказалась слишком молода. Только ей не двадцать, а двадцать один, это Макар знал точно. Он даже знал, в какой именно день ей исполнился двадцать один год, последние три года в этот день он почему-то оказывался пьяным в дым — разумеется, совпадение. Не станет же он из-за такого напиваться, он пока еще не выжил из ума.

Ямпольский отвлекся на беседу с одним из приглашенных, а его жена осталась стоять в окружении свиты мужа. Повернула голову к говорившему слева высокому брюнету, улыбнулась, подняла глаза и встретилась взглядом с Макаром.

Пространство разорвал оглушительный взрыв. Как в замедленной съемке посыпались кирпичные стены, сложились гармошкой металлические конструкции, обрушился и разлетелся в мелкую пыль потолок, засыпая собой всех присутствующих. Только их двоих не задело, даже не зацепило.

Пустота внутри отозвалась гулким эхом, Демидов даже оглянулся, не слышно ли окружающим, но никого не было, весь мир оказался погребенным под руинами рассыпавшихся стен. Отку-

Тала Тоцка

да-то Макар знал, что она ждала этой встречи и теперь смотрела не отрываясь, а он так же жадно пил ее взглядом.

«Ты... Что ты здесь делаешь, Эва?»

«Я здесь со своим мужем. А ты с женой. Все встало на свои места, Мак».

«Как ты могла уехать, не предупредив? Ты сбежала!»

«Я оставила тебе письмо. Так было лучше.»

«Для кого? Для Ямпольского? Как ты можешь быть его женой? Как ты можешь жить с ним, спать с ним... Как, Эва? Ты позволяешь ему прикасаться к себе?»

«??? Ты нормальный, Демидов? Он мой муж! Конечно, я с ним сплю, мало того, мне нравится, он такой...»

Здесь воображение отказывалось подчиняться Макару, и от картин, которые вставали перед внутренним взором, его всего корежило, он с трудом сдерживался, чтобы не подойти, не схватить Эвангелину за руку и не потащить прочь. Если надо, ее можно перебросить через плечо и унести. Демидов мотнул головой, отгоняя видения вместе с пустым воображаемым разговором, но у него ничего не получалось.

«Я никуда не пойду с тобой, Макар».

«Пойдешь. Я набью ему морду, твоему мужу, он не имеет права так называться, потому что ты...»

Здесь он осекся, он даже мысленно не может такое выговорить, ведь это чудовищная ложь. Его женщина не Эва, у него есть жена, он ни разу ей не изменил.

«Это потому, что любишь, или потому, что тебя просто не интересуют другие женщины?»

«Конечно потому, что люблю».

«Почему тогда ты так часто видишь меня во сне, что даже начал принимать снотворное, боишься однажды назвать жену моим именем?»

«Откуда ты знаешь?..»

Он готов был поклясться, что ее глаза увлажнились и заблестели. Больше он сдерживаться не мог и не хотел, отодвинул какого-то мужика, стоящего на пути, и направился к ней. И даже не глянул, идет за ним Алена или нет. Он не знал, что скажет, ему было плевать, что подумает Ямпольский, что подумают присутствующие. На всякий случай размял по дороге кисти рук. И чего он добивается, не знал. Знал только, что Эве не место возле этого старого козла, пусть он хоть трижды миллиардер и выглядит на сорок. Два.

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

«А тебе двадцать один. Знаешь, что я подарил тебе на двадцать один год, Эва? А на двадцать лет — знаешь?»

«Ты дарил мне подарки? Но как?»

«Покупал в ювелирке, а потом отдавал встречным парочкам, мне было все равно кому, лишь бы девушки хоть отдаленно напоминали тебя. Парням их отдавал, чтобы от себя дарили».

«У меня есть муж, Макар, теперь он делает мне подарки. Видишь этот бриллиант? Арсен подарил мне его после одной ночи, как ты когда-то, помнишь?»

Ярость вспыхнула, ослепляя, он по-настоящему на несколько секунд лишился зрения.

«Я не могу тебя отдать ему, Эва!»

— Мак, перестань... — одними губами произнесла Эвангелина, и Макар понял, что сказал это вслух. Будто пелена спала, он обнаружил себя стоящим возле Эвы и крепко сжимающим ее плечи. Мир ослепительно сиял вокруг, а к ним, рассекая толпу, уже шел Ямпольский с двумя охранниками за спиной.

— Зачем я тебе, Мак? — все так же беззвучно спросила она.

И он не нашелся что ответить.

— Эва? Что происходит? — зазвенело стальное.

Макара качнуло от злости. Он еще спрашивает! Разве это муж? Разве Макар стал бы спрашивать, если бы кто-то вот так прикасался к Эве, хватал ее за плечи? И секунды бы раздумывать не стал, удар у Демидова был поставлен почти профессионально.

Периферийным сознанием понял, что подумал об Эве, а не о своей жене. Правильно, он никогда не ревновал Аленку, потому что всегда знал: она будет с ним, зачем же ревновать? А сейчас его буквально разрывало на части, одна мысль о том, что Ямпольский прикасался к Эве, что он может делать с ней все что угодно, доводила до безумия, до сумашествия.

— Все хорошо, Арсен, не волнуйся. Это моя родственница с мужем. Познакомься. Демидовы. Алена и Макар. Алена моя троюродная сестра, — быстро заговорила Эвангелина, несмело прикасаясь к ладони мужа, а тот вдруг сжал ей пальцы, и от одного этого слишком интимного жеста у Макара едва не помутился рассудок.

Катастрофу предотвратила Алена. Она умудрилась втиснуться между Эвой и Макаром, рассыпалась в любезностях Ямпольскому, забросала Эвангелину вопросами и новостями. Сам Макар все это время в упор смотрел на Ямпольскую, которая была когда-то Казаринова, а потом могла стать Демидовой. И стала бы, если бы он ее не отпустил.

Тала Тоцка

В груди сдавило, и Макар шумно втянул воздух. В области сердца появилась незнакомая давящая боль, он так же шумно выдохнул, развернулся и, не попрощавшись, направился к выходу. Алена побежала за ним, она что-то говорила, но ее речь казалась скомканной скороговоркой, Макар даже не стал вслушиваться. Когда они миновали зал и вышли в холл, навстречу метнулся мелкий вихрь и впечатался в ноги Макара.

— Ой, извините!

Он поймал вихрь в охапку. При ближайшем рассмотрении тот оказался очаровательной девчушкой с белокурыми локонами и круглыми щечками. Макар присел перед ребенком на корточки.

— Ты не ударилась?

— Нет! — замотало головкой белокурое чудо. — Ты мягкий. А как тебя зовут?

— Макар.

— Тебе повезло, — важно заявило чудо, — я сегодня научилась говорить букву «р», — и рыкнуло для пущей убедительности: — Ррр-рр-р!

— Это почему повезло? — спросил он, совершенно сбитый с толку.

— Потому что я теперь могу сказать «Макар-р-р!». А раньше я сказала бы «Макал». И ты бы обиделся.

— Не обиделся, что ты, я бы не обиделся! — Он улыбался, и пустота внутри постепенно заполнялась. — Тебя как зовут?

— Маш-ша. — Она качнулась вперед, а Макар только шумно сглотнул, прогоняя перекрывший горло ком.

Он сразу понял, кто перед ним, узнал по глазам, которые ничуть не изменились с того момента, как она их открыла впервые в жизни. Вряд ли малышка догадывается, что первым, кого она увидела, был Демидов.

«Маша. Ты назвала дочку Машей. Спасибо, Эва. Эвочка...»

— Мария, пойдем к маме, она тебя ищет. — Огромный, похожий на медведя, охранник протянул ребенку свою лапищу, и детская ручка буквально утонула в широченной ладони.

— До свидания, Макар-р-р! — церемонно привстала на носочки девочка.

— До свидания, Маша...

Макар смотрел им вслед, а потом вдруг отчетливо понял, что не может вот так взять и отдать их Ямпольскому, ни Эву, ни Машу, круто развернулся обратно, но в рукав намертво вцепились пальцы с наманикюренными ногтями. На одном из пальцев сверкнул брил-

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

лиантовый ободок, и это внезапно отрезвило Макара, вернуло к действительности. Здесь его жена, Аленка. Алена. А не Эва.

— Куда ты, Мак, с ума сошел? Он же муж! — а потом с горечью прошептала, не спрашивая, а утверждая: — Ты что, ее ревнуешь?

Он не ответил, потому что сам не знал. Молча прошел к выходу и остановился на крыльце, глубоко дыша, втягивая воздух полной грудью, надеясь хоть так остудить адский огонь и вырубить короткие импульсные токи возбуждения, пронизывающие каждую клетку тела.

Еще предстоит разобраться, почему так легко обрушился мир, который Макар строил вокруг себя целых три года, лишь только на горизонте мелькнула Эва. Непонятная, непрозрачная, нечитаемая, так и оставшаяся для его внутреннего навигатора загадочной неопределяемой локацией. А ведь он старательно строил свой мир, только чтобы отгородиться от нее и забыть.

«Херово, выходит, строил».

Теперь Макар знал совершенно точно, что на земле был его персональный ад, и имя его — Эвангелина.

— В чем дело, Эва, почему ты позволила Демидову лапать тебя в моем присутствии и на глазах у моих гостей?

— Простите, Арсен Павлович. — Она старалась, чтоб внутренняя дрожь не прорвалась наружу. Ямпольский не любит истеричек, она это хорошо усвоила. — Я просто не была готова к этой встрече. Больше такое не повторится.

— Что между вами было? Почему он так себя вел? Ты спала с ним? — Стальные глаза сверлили безостановочно, но она стойко выдержала взгляд. Лгать было бесполезно. И опасно. — Что ж, если ты не можешь удержать в рамках бывшего любовника, мне придется действовать самому.

— Не нужно, Арсен... — Она облизнула вмиг пересохшие губы. — Он... Макар отец моего ребенка.

Стало тихо, взгляд Ямпольского сделался ледяным.

— Ты должна была мне рассказать. — Он казался расслабленным и спокойным, но это было обманчивое спокойствие, как у хищника, притаившегося в засаде. — Мне позарез нужна его земля. Я предпочел бы иметь дело с его отцом, младший Демидов слишком агрессивно ведет себя в бизнесе. Но выбора нет, мне придется с ним работать, Эва. Это может стать проблемой?

Тала Тоцка

— Нет, — Эва отлично держалась, — он не знает. И не должен узнать.

— Ты уверена? Больше никто не в курсе?

— Знает его жена, но она будет молчать. Это в ее интересах.

— Да, пожалуй ты права. — Ямпольский задумчиво рассматривал свои руки. — Хорошо, Эвангелина, иди отдыхай.

Эву провели в спальню, она держалась, пока за охранником не закрылась дверь, а потом сползла по стене. Откуда он взялся, этот Демидов, со своим изучающим, будто ощупывающим взглядом? И раньше, когда он смотрел в глаза, Эве казалось, будто он проникает прямо ей в подкорку и читает все тайные мысли. Ей приходилось притворяться, и без того было сложно, но когда он во время затянувшегося сеанса любви запрокидывал ей голову и всматривался в лицо, это становилось практически невозможным.

Сегодня он так же на нее смотрел, как будто она не стоит возле мужа в окружении охраны, а лежит, обнаженная, придавленная и обездвиженная тяжелым телом самого Макара. Будто он стянул ей на затылке волосы и запрокинул голову, а сам вглядывается в самую глубину своими невозможными серыми глазами.

«Зачем же ты снова вломился в мою жизнь, Макар Демидов?»

ТРИ МЕСЯЦА НАЗАД

«Долго она еще будет возиться?»

Арсен бросил скучающий взгляд на часы, затем на девушку у своих ног. Лучше бы он этого не делал. Ничто так не портит настроение с утра, как неумелая девица, вдруг возомнившая, что ей оказано предпочтение.

Ничего подобного, он просто промолчал, не стал осаживать, как тех пятерых перед ней, и не послал открыто, как еще троих следом. Эта была последней в списке, подготовленном Борисом, и, похоже, самой безмозглой. Арсен понял это сразу, стоило взглянуть на перекачанные ботоксом губы, которые были толщиной с его большой палец (на ноге), и в совершенно пустые, ничего не выражающие глаза.

Наверное, девушка была красива, модельное агентство Навроцкого высоко ценилось в фэшн-тусовке, но только не для Арсена. Когда губы живут отдельно от лица, ресницы похожи на опахала, а вместо бровей две изогнутые татуировки — это за-

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

служивает массы эпитетов, приличных и не очень, но красотой, по его мнению, называться не должно априори. По определению.

Девушка почему-то решила, что Ямпольский остановил свой выбор на ней. Приняла его охрещение за интерес? Ладно, Арсен не возражал, когда она плавной кошачей походкой — сто пудов насмотрелась тематических роликов на «взрослом» ресурсе — подошла к нему и положила руку на грудь, скользнула под борты пиджака, оглаживая мышцы через дорогую ткань рубашки. Но потом губы — Арсен готов был поклясться, они сами приплыли к нему по воздуху! — потянулись к его лицу, и Ямпольский привычным жестом смахнул девицу вниз.

— Совсем рехнулась? Работаем.

Дважды повторять не пришлось. Минут пять Ямпольский обдумывал, кто мог надоумить эту глупую курицу так дешево к нему подкатить, неужели Борис? Так тот вроде бы смертником никогда не был, берегся.

Арсен мог выставить девушку в два счета, но зачем-то решил спустить пар, слишком зол он был и на Борьку, и на так называемых красавиц, лица которых были как под копирку. А вместо этого еще сильнее разозлился.

— Поторопись, милая, у меня день расписан по минутам, — глухо проговорил он, и девица торопливо закивала. Кивать ей было неудобно, и смотрелось это настолько комично, что Ямпольский прикрыл рукой глаза.

И это убожество Боря подсунул ему в качестве претендентки на роль жены? Сейчас он пойдет и набьет Борьке рожу, сейчас, только закончит...

— Давай быстрее уже! — прикрикнул он раздраженно, девица от ужаса округлила глаза, и ему стало смешно, просто дико как смешно. И стало ясно, что это может тянуться еще долго.

Арсен взял ее за затылок, пальцы тут же нащупали мелкие капсулки. Твою ж мать, и волосы нарощенные! Да ей хорошо если двадцать лет, когда она успела себя настолько апгрейдить? Ямпольский чувствовал себя в точности как будто собирался на кастинг претенденток на лицо компании «Индастрил Инвест», а по ходу попал на фабрику по производству виниловых кукол.

Он завершил процесс в несколько движений, дальше осталось застегнуть молнию, защелкнуть ремень и, не глядя, всунуть дышащей как астматик девице стодолларовую купюру. Будем считать это благотворительностью. Не глядя, Арсен! Еще стошнит. Вот теперь можно и побеседовать со старым другом. И если Ям-

польский его сейчас не убьет, это будет означать, что в жизни неожиданно настала эра милосердия.

— Боря, я не шлюху себе выбираю, а жену. — Ямпольский раздраженно отодвинул очередное портфолио и уставился на сидящего напротив собеседника. — И не вздумай уверять, что ты лично для меня отобрал этот колхоз!

— Напомни, мы сейчас с тобой у меня в кабинете или на кафедре института? — Борис даже не шевельнулся, и Ямпольский в который раз пожалел, что не может поручить это дело простому исполнителю, с которого можно спросить, а не давнему знакомому, который только скалится в ответ. — Арс, ты меня удивляешь!

— Чем? Тем, что не хочу иметь жену, которая тупее этой пепельницы? — Арсен приподнял и с силой поставил обратно массивную пепельницу в виде русалки, едва удержавшись, чтобы не запустить ею в голову Бориса. Не запустил, покрутил в руках и брезгливо скривился. — Что за отстой ты держишь у себя на столе, Боря? Выброси ее и не позорься.

— Подарок жены, какой-то там век, — буркнул Навроцкий и огрызнулся: — Тогда почему ты пришел ко мне? Иди на городскую студенческую олимпиаду по математике, там их как грязи, этих умненьких студенточек.

— Потому что мне нужна красивая девушка. Жена Ямпольского не может быть селянкой, Борис, не притворяйся дураком, тебе не идет.

— Тут или умная, или красивая, определись, Арсен. А тебе же еще порядочная нужна, может, сразу девственница?

— Если девственница, то это просто отлично, самое то для здорового потомства. Можешь плевать ядом сколько угодно, но я плачу достаточно, чтобы танцевать тебя, Борис! — Арсен перегнулся через стол и поинтересовался вполголоса: — Это случайно не ты им советуешь с лету лезть к моей ширинке?

— Профдеформация, Арс, — осклабился Навроцкий, разводя руками, — я тут ни при чем. У девочек рефлекс, ведь это оплачивается совсем по другому тарифу. Кому хочется по двенадцать часов вертеть задом перед объективом или ходить по подиуму, когда за меньшее время можно заработать вдесятеро больше? — Помолчал, а потом добавил совсем другим, обычным тоном: — Да нормальные они девки. Это у тебя запроси, как... — Он махнул рукой.

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

Борис Навроцкий был руководителем модного журнала «Elit» и модельного агентства «Elit Models Lux», которые входили в медийный холдинг Ямпольского, у него была небольшая доля. А то, что девочки-модели оказывали эскорт-услуги уважаемым обеспеченным мужчинам, не желающим афишировать свои связи, было, разумеется, известно лишь довольно узкому кругу.

Они побуравили друг друга взглядами, и Навроцкий сдался первым:

— Хорошо, тогда я объявлю дополнительный кастинг, куда включу в обязательном порядке тестирование по ай-кью.

— Сделай одолжение, — милостиво кивнул Ямпольский, и тут лицо Бориса приняло задумчиво-подозрительный вид.

— Хотя... У меня идея, Арс. Я знаю, что нам нужно. Конкурс красоты! — выдал он и откинулся в кресле, глядя на Ямпольского торжествующим взглядом.

Арсен в ответ удивленно поднял брови, его лицо оставалось непроницаемым.

— Повтори-ка.

— Какое из двух слов ты не узнал? — уточнил Борис.

— Не ерничай. На хера мне твой конкурс?

— Конкурс, может, и на хера, а вот победительница как раз то что нужно. Ты же известный сноб и эстет! Мы проведем кастинг, отберем девушек, пусть посоревнуются между собой для вида, ты выберешь подходящую, и мы ее протащим в финал. Зато ни у кого не возникнет вопросов, почему миллиардер Ямпольский выбрал в жены девушку с улицы. Ты сам говорил, что хочешь этого избежать.

«Ну может же когда хочет!» Идея в самом деле была стоящей.

— Хорошо, пусть будет конкурс. Я хочу видеть анкеты участниц, и да, включи меня в состав жюри, — сказал Арсен, вставая и одергивая пиджак. Разгладил несуществующие складки, стряхнул невидимые соринки. Все должно сидеть безукоризненно и смотреться идеально. Так было все и всегда в его жизни.

Навроцкий болезненно прищурился, разве что не застонал. Что ж, Борис верно мыслит, Арсен заставит их вкалывать на этом кастинге, как рабов на плантациях, выжмет всех до капли, чтобы достичь цели. Это он умел и делал виртуозно.

— Послушай, да на кой тебе сидеть в жюри, будешь из VIP-зоны смотреть, ну зачем светиться раньше времени? Ладно-ладно, — сдался Борис, выдержав его тяжелый взгляд, — в состав отборочной комиссии пойдешь?

Тала Тоцка

Ямпольский не ответил, лишь поднял обе ладони, давая понять, что разговор окончен. Конечно, Навроцкий был прав, когда говорил, что у него слишком завышены требования, но на то имелись свои причины. Жена миллиардера Арсена Ямпольского должна быть не просто красивой — она должна быть особенной, это не его личная прихоть и блажь, а жизненная необходимость, иначе никто НЕ ПОВЕРИТ.

А ему нужно, чтобы поверили. Что он влюблен. Что у него снесло крышу от любви. Что Арсен Ямпольский душу готов продать за свою молодую жену. Значит она должна быть именно такой — юной, красивой, за которую можно не задумываясь отдать состояние. И чтобы ни у кого не возникло и тени сомнения.

— Выпить не хочешь? — спросил Борис, и Арсен на миг задумался. Он давно не за рулем, не в его статусе отирать зад на водительском сиденье, можно, но...

— Нет, бросил, — он взялся за ручку двери, — я ведь скоро женюсь, мне нужен наследник, у меня будет молодая жена, забыл? Так это уже склероз, ты тоже бросай, Боря, алкоголь губительно влияет не только на мозги, но и на эрекцию.

Навроцкий посмотрел на него с плохо скрываемой насмешкой.

— Это у тебя склероз, вспомни, где я работаю! В таком месте пропасть не дадут, можешь не сомневаться. А вот тебе, — он ткнул в Ямпольского пальцем, — не мешало бы призадуматься. У тебя когда в последний раз баба была?

— Полчаса назад, — ответил Арсен, глянув на громоздкие часы, украшавшие стену кабинета.

Возможно, он придирается, и часы не такие неуклюжие, и пепельница не настолько безобразна, просто у него отвратительное настроение, потому и все вокруг кажется таким же отвратительным. Даже Борис. Особенно Борис. Но если сообщить ему об этом, настроение вряд ли улучшится, и Арсен промолчал.

Он уже повернулся, чтобы выйти, как вдруг дверь распахнулась, и перед ним оказалась девушка чуть выше среднего роста, тоненькая, с темными, собранными в хвост волосами и карими глазами, казавшимися на утонченном скуластом лице просто огромными. В руках у нее был объемный конверт.

— Ой, извините, — она ступсывалась и отступила, пропуская Ямпольского, а тот остановился, не отдавая отчета, почему, — я к Борису Альбертовичу.

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

— Эва? Ты принесла фотографии? — отозвался Навроцкий и повернулся к Ямпольскому. — Не хочешь посмотреть? Ты же увлекался когда-то фотографией, а Эвочка фотограф от Бога.

— Эва? — удивленно поднял брови Арсен.

— Эвангелина, — быстро поправила девушка. Арсен продолжал ее рассматривать.

Очень правильные, будто вылепленные черты лица, и сам овал как выточен. Пожалуй да, его можно назвать красивым. Если бы Арсен был художником, он бы рисовал именно такие лица, но к счастью, он не художник, он бизнесмен. Очень успешный. У него столько денег, что можно купить всех художников мира, а на сдачу занять их же мазню.

— Не Эвангелина?

— Нет, — несколько взмахов длинными изогнутыми ресницами, и слегка потупившийся взгляд, — так мама захотела...

— Эва, это Арсен Павлович, наш заказчик, он лично выбирает модель, которая станет рекламным лицом его бизнес-империи, там есть подходящие варианты? — спросил Борис, а Ямпольскому стало интересно, спит он с этой диво-фотомастерицей или нет.

Он продолжал рассматривать девушку в упор, отчего-то испытывая необъяснимую злость от одной мысли, что это может быть «да».

«Спит или нет?»

Снова взлетели ресницы, и пусть на миг, на крохотную долю секунды, но Арсен успел поймать мелькнувшее в ее глазах пренебрежение, смешанное с брезгливостью. «Нет!» Конечно же нет, она не спит с Навроцким! И к Ямпольскому она чувствует отвращение, потому что не сомневается — он здесь в поисках сопровождения на вечер или на ночь. Внезапно Ямпольский почувствовал, что ему нечем дышать, так сильно стискивает горло галстук, он поспешно ослабил узел.

— Что ж, не откажусь. Я действительно одно время серьезно увлекался фотографией. Показывай, что ты умеешь, Эвангелина.

Она смутилась, и Арсен охренел от непривычного зрелища, он и забыл, что кто-то еще на это способен. Девушка подошла к столу и привычным жестом разложила на столе Навроцкого яркие глянцевые фотографии моделей. Снова те же лица, губы, волосы... У Ямпольского зарябило в глазах. А потом он взглянул на пачку фото в ее руках и остолбенел.

— Покажи. — Он сам удивился, как придушенно это прозвучало. — Да нет, не эти, те фото покажи.

Тала Тоцка

Эва бросила на него непонимающий взгляд, но все же послушно протянула пачку.

— Я на выходных выезжала за город и там немного снимала...

— Это... Это ты? Ты сама? — Арсен потрясенно перебирал фотографии, с восхищением отмечая, как точно выбран ракурс, как качественно передана цветовая гамма, как филигранно выбран угол, под которым падает свет. — Где ты училась? У тебя превосходная школа!

— Нигде, — пожала плечами Эвангелина, — в школе ходила в кружок, а потом смотрела ролики на ютубе. У меня маленькая дочка, — добавила она немного с вызовом, — мне некогда учиться.

— Дочка? — поднял брови Ямпольский. — Сколько же тебе лет?

— Двадцать один, скоро двадцать два будет.

— А дочке?

— Почти три.

— Арсен Павлович, посмотри на невесту... соискательниц, если тебе кто подходит, ткни пальцем, с девочками начнут работать, — влез Навроцкий, явно намекая, что Ямпольскому пора отвалить.

— Никто не подходит, — качнул головой Арсен, не сводя глаз с фотографий и их создательницы, сам не понимая почему не может заставить себя уйти.

— Да чтоб для тебя все бордели мира были на вечном переучете, — в сердцах проговорил Навроцкий и едва сдержался, чтобы не сплунуть, — как же ты замахал меня, Арс!

Ямпольский с бесстрастным выражением лица смотрел на Бориса.

— Просто объясни, зачем микрофон. У нас отбор официанток в караоке-бар?

— Ты сам полдня выносил мне мозг, что тебя интересуют предпочтения претенденток, в том числе музыкальные! Или я что-то не так разобрал?

— Они меня просто интересуют, Боря, для информации, слушать бляение их носительниц необязательно.

— Девочки старались, готовились, давай не выпендривайся, а?

Арсен не ответил, потому что в студию уже входила следующая... невеста? Он чуть не рассмеялся, так дико это прозвучало, очень в духе Навроцкого. Ладно, пусть будет соискательница. Арсен подобрался и мысленно приказал себе не придирааться по ме-

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

лочам, в конце концов, если будет пригодный исходный материал, всегда можно попытаться что-то слепить самому.

Кастинг претенденток на роль жены Ямпольского проходил в одной из фотостудий агентства, отборочная комиссия в лице Арсена и Бориса расположилась (читай, развалилась) в удобных креслах напротив возвышения, используемого вместо сцены.

Девочка была хороша. Прелестна как ангел, сказал бы поэт или писатель, хорошо, что Ямпольский поэтом никогда не был, да и писателем тоже. Потому он просто поставил галочку напротив фамилии девушки.

Круглое личико, щечки с ямочками — приятное разнообразие на фоне ассортиментного ряда фабрики виниловых кукол. Арсен даже изобразил подобие улыбки, пока Навроцкий задавал девушкам общие, принятые в рамках предстоящего конкурса, вопросы.

Девочка отвечала, ничего особенного, но Ямпольский и не рассчитывал, что соискательницы будут блистать знаниями в области, скажем, живописи. Если его фиктивная жена не сумеет отличить Моне от Мане, Арсен как-нибудь это переживет. Вполне достаточно, если она будет хотя бы подозревать об их существовании, а принцип «Мане — люди, Моне — пятна» Арсен в состоянии объяснить будущей супруге сам.

Кристина имела весьма смутное представление обо всем, что прямо или косвенно не касалось создания и выкладки сториз. Ямпольский сначала поскущел, а потом подумал, что возможно, девушка интересуется музыкой, пусть современной, она ведь совсем юная, лет девятнадцать наверное...

— И что ты нам споешь, Кристинка? — медовым голосом спросил Навроцкий.

— Мою любимую песню. — Девушка тряхнула аккуратной челкой, и Борис жестом дал знак начинать.

При первых же аккордах Ямпольский чуть не подавился, при вторых превратился в статую. Это была песня «Курю» Елены Ваенги.

Кристинка пела, призывно выставив вперед ногу и глядя в упор на Арсена.

Ямпольский прикинул в уме. Когда эта песня переживала пик своей популярности, Кристинка выпускалась из детского сада. Арсен не то чтобы был знаком с музыкальной программой детских садов, но не без оснований предполагал, что подобные песни там отсутствуют.

Ямпольский повернулся к Борису, который постукивал в такт ботинком и разве только не подпевал.

Тала Тоцка

— Что? — не понял тот, поймав его враждебный взгляд. — Хорошая ж песня.

Кристинка сипло выводила, вращая глазами, словно и правда перед кастингом выкурила пачку, и не одну.

Арсен прикрыл рукой глаза. Навроцкий покосился на босса, затем сел прямо и махнул рукой, останавливая представление. Музыка смолкла, девушка обиженно хлопнула глазами.

— Так это твоя любимая песня, — уточнил Арсен, — или все-таки твоей мамы?

Кристинка надула губки и ничего не ответила.

— Это ты, сволочь, присоветовал им нарыть для меня старперских песен? — развернулся он к Навроцкому, когда девушка покинула студию. — Или ты тоже станешь уверять, что их от такого прет?

— Да с чего у тебя чуть что, сразу я? — возмутился Борис, незаметно отодвигаясь подальше. — Они и сами головастые девки, без меня соображают, как тебя поразить.

— Поразить, — проворчал Ямпольский, — лучше скажи: опустить.

Но все же галочку напротив Кристинки обвел жирным кругом. За креативность.

— Радуйся, что они тебе такое поют, знаешь, что молодежь сейчас слушает? — доверительно склонился к нему Борис. — Ты вообще охренел бы, если б услышал.

— Что? — поднял бровь Ямпольский.

— Сейчас вспомню, у меня дочка прям пицтит, эти, как их... — Борис поцелкал пальцами, наморщив лоб. — О, вспомнил! «Грибы»!

— А разве их слушают? — искренне удивился Арсен, и Навроцкий безнадежно отмахнулся.

Следующей была брюнетка, настолько роскошная, что Арсен даже сменил ногу. Поджало. Судя по Борису и понимающей улыбке Снежаны — так ее имя значилось в списке — подобная реакция была ожидаемой и привычной. Дальше можно было не продолжать, Ямпольский уже знал, кого сегодня вечером привезет к нему водитель Навроцкого, но не стал лишать девушку удовольствия почувствовать себя победительницей.

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

Пускай. Это даже не до утра, ночью она уедет обратно и на конкурс, конечно, не попадет. Есть одно главное условие, о котором никому не следует знать — отсутствие физического влечения к контрактной жене. Если при взгляде на очередную «невесту» снизу поступают определенные импульсы, это верный признак, что напротив ее имени нужно ставить жирный минус.

Он не будет спать со своей женой, секс между ними исключен, она всего лишь средство достижения цели, и если позволить себе подпустить ее ближе, как знать, потом он может смалодушничать и дрогнуть. А этого допустить нельзя ни в коем случае.

Арсен смотрел на следующую после Снежаны девушку — высший пилотаж современной косметологии — и мрачнел все больше. Если по уму, то нужно брать вот такое силиконовое совершенство, но внутри все сопротивлялось, стоило представить, чтобы даже на год, даже для дела дать ей свое имя. Ямпольская? Арсен пренебрежительно поморщился и поставил прочерк. Чуть бумагу ручкой не разодрал.

Нет, его жена должна вызывать зависть такую, что до зубового скрежета, ею должны восхищаться, возможно, даже пытаться отбить, Арсен с удовольствием повоюет. Пусть Навроцкий землю роет, ну не может такого быть, что на всей планете не найдется нужной девушки. И когда Арсен ее найдет, возьмет как приз, заберет себе и сделает из нее настоящую королеву.

На мгновение ему даже стало жаль эту незнакомую девочку, в душу заползли сомнения — если разыщется такой бриллиант, поднимется ли у него рука потом безжалостно пустить ее в расход? Может, пересилить себя и воспользоваться бесконечными и похожими друг на друга до тошноты виниловыми куклами?

Но мгновение прошло, а с ним и жалость испарилась, остался лишь холодный рассудок. Нет, ему не жаль, пусть только найдется, и тогда Ямпольский подарит ей лучший год в ее жизни, и хоть он будет для нее последним, но разве не лучше прожить его по-королевски? Если бы перед Арсеном поставили выбор — низменное, плебейское существование до старости или один-единственный год, но царский, он бы не сомневался ни минуты.

Значит нужно продолжать поиски и надеяться на собственное чутье. Его внутренний тигр может быть спокоен, Арсен уверен, что поиски увенчаются успехом, надо просто молча пролистывать страницы, ставить галочки, плюсики или прочерки. И ждать, когда ОНА появится.

— Ты должен непременно попробовать гаванские сигары, Арс, лимитированная серия, Рокки Патель удавится, если попробует...

Они вошли в кабинет Навроцкого, и Арсен краем глаза заметил, как под столом что-то мелькнуло и затаилось. Борис проследил за его взглядом и расплылся в улыбке, а затем зарокотал басом на весь кабинет, повергая Ямпольского в полное изумление:

— Кто сидел в моем кресле и сдвинул его с места? — Умолк и прислушался, в установившейся тишине ясно слышалось громкое сопение. — Кто пил из моей чашки и разбил ее?

— Это не я. — Из-под стола показалась светлая детская голловка с двумя торчащими хвостиками. — Я не била твою чашку, медвед!

Перед Арсеном предстало совершенно мелкое создание с красневшими щечками и блестящими серыми глазищами.

— Медведь, — машинально поправил он девочку, но та мотнула головой, отчего хвосты замотылялись из стороны в сторону.

— Не-а. Он медвед, а я Маша. А ты кто?

Арсена не слишком умиляли дети, он рассматривал их как промежуточный этап между сексом и взрослой особью, поэтому понятия не имел, как вести себя с девочкой. Но та сама подошла к нему ближе.

— Ты кто? — повторила она, наклонив голову набок.

— Я? — задумался Арсен и пожал плечами. — Тигр.

Девочка очень жалобно взглянула на Арсена и грустно вздохнула.

— Машунька, это Арсен Павлович, ему нужно говорить «вы». — Борис сел на стул и поправил девочке перекосившуюся кофточку. Его движения были привычными, будто он с утра до вечера поправлял одежду маленьким девочкам.

— Не обязательно, говори «ты», — милостиво позволил Ямпольский.

— А как тебя еще можно называть? — вдруг спросила Маша, смешно сведя брови домиком.

— Что значит как? — не понял Арсен.

— Ну можно, — девочка оглянулась на Навроцкого, а потом снова уставилась на Арсена с жалобным видом и даже ладошки сложила просительно, лодочками, — можно ты тоже будешь медвед, как он? Умоляю!

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

— Ну хорошо, — Арсен даже растерялся, его уже давно никто не умолял, — раз ты так хочешь, пусть.

— Я пойду скажу маме! У меня уже два медведа есть!

Девочка подпрыгнула, захлопала в ладоши и понеслась прочь из кабинета.

— Боря, это твой внебрачный ребенок? — придя в себя, спросил Арсен. — А София знает?

— С ума сошел? — буркнул Борис. — Это Машка, Эвочкина дочка, мы с Софией у нее что-то типа крестных родителей.

— Эвина дочка? — Арсен смотрел на дверь, жалея, что не рассмотрел ребенка внимательнее. А ведь и правда они похожи, только глаза у Эвы были темными, как расплавленный шоколад, а у ее дочки серыми, почти голубыми.

— Чудо-дите, — улыбнулся Борис, — мы ее обожаем. Знаешь, почему ты медведь?

— Почему?

— Машка не выговаривает «р» и страшно стесняется, поэтому старается использовать слова без «р». Ни тигр, ни Арсен ей не подошли. И «медведь» она никак не научится правильно говорить, язычок заплетается. София с Женькой всё ее, бедняжку, тренируют.

— Медвед, а не медведь, — поправил Арсен и вдруг тоже улыбнулся, хоть и одними кончиками губ.

Арсен открыл бутылку, плеснул в бокал виски и отпил, задумчиво глядя на простирающийся перед ним ночной город. Си-яли огни, затмевая одинокие звезды, уже давно зажегшиеся на небосклоне. За городом звезды видны, поэтому город Ямпольский не любил. Его апартаменты находились на самом верхнем этаже принадлежащего ему же отеля, Арсен останавливался здесь, когда задерживался в столице и неудобно было ехать в особняк.

Город тоже принадлежал Ямпольскому, хоть об этом и не подозревал. Бизнес, легальный и нелегальный, работал четко и отлаженно. Легальный затрагивал многие сферы — и энергетическую, и финансовую, и горнодобывающую, и металлургическую. Его предприятия давали стране рабочие места и платили все налоги, социальная программа там была такая, что к ним очереди стояли. И Ямпольский останавливаться не собирался.

Тала Тоцка

В связи с этим его очень интересовали земельные вопросы (они его всегда интересовали). Весьма некстати отошел от дел Роман Демидов. Этот щенок, его сын, не нравился Арсену, но выбирать, с кем работать, не приходилось. Арсен верил, что придет день, и младший Демидов уступит, так было всегда, все уступали его напору. А вот в нелегальном бизнесе Ямпольский давно и заслуженно был признан оружейным королем.

— Тебе дай волю — ты атомную бомбу на запчасти разберешь и за бугор перепродашь, — ворчал Маркелов, его деловой партнер. Они были в равных долях, и Арсен на такие слова только усмехался.

Бомбу не бомбу, а почву для поставок обогащенного урана в страны Ближнего Востока Ямпольский готовил, но Маркелов однажды решил, что этого мало, и смотреть, как мимо них протекают миллиарды, которые приносит наркоторговля, он больше не хотел.

Арсен был против. При всем своем цинизме он считал, что наркобизнес — удел людей ущербных, мелких и ни на что более не способных.

— Хватит, Арс, — морщился Ринат, — перестань корчить из себя дона Корлеоне, надо быть лохом, чтобы позволять другим кормиться на своей территории.

— Нет, — резко пресекал его Ямпольский, — и больше мы это не обсуждаем.

Но сейчас он точно знал, что Маркелов за его спиной ведет переговоры о поставке крупной партии наркотиков. Пока транзитом, а на будущее разрабатывался план создания разветвленной сети сбыта. Ямпольскому нужны были деньги на развитие легальной сферы, ее доходы росли, и вынуть сейчас такую значительную сумму из оборота означало обескровить бизнес.

Конечно, Ринат это понимал, но он всерьез намеревался перетянуть в наркоторговлю большую часть финансов в то время, как все, напротив, старались легализоваться. И у Арсена не останется в стороне, проклятый договор, подписанный после того, как им удалось то, что до сих пор не рискнул сделать никто в криминальном мире, связывал его по рукам и ногам.

Арсен сделал еще глоток и прикрыл глаза. В ушах стоял гул вертолетов, он снова видел залитую лучами прожекторов палубу корабля, на котором проходила сходка — это была идея Арсена-Шерхана собрать всех на корабле под видом трехдневного морского круиза.

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

Совесть с тех пор ни разу его не потревожила, люди, стоявшие ниже по иерархической лестнице, всегда были для него расходным материалом. Напротив, он получил удовольствие от того, как точно рассчитал место и время, а что повязали всех — ну так известно: лес рубят — щепки летят.

Криминальный мир просто охренел от такой беспрецедентной наглости, но авторитеты вмешиваться поостереглись, зная, кто крышевал операцию со стороны силовиков. А Грек захотел подстраховаться.

— Сам понимаешь, Арс, мы теперь повязаны больше чем кровью. Этот договор нужен, чтобы и ты, и я могли спокойно спать. Теперь мы будем беречь друг друга как зеницу ока.

Шерхан и Грек слили всю группировку силовикам, забрав общак, который стал платой за эту сделку. Полковник, руководивший операцией, получил генеральские погоны, а Шерхан стал бизнесменом Арсеном Ямпольским. Тот самый общак послужил первоначальным капиталом, который позволил им с бывшим Греком, а ныне миллиардером Ринатом Маркеловым создать целую бизнес-империю, которую Маркелов теперь ставил под удар.

Это было главным условием лояльного отношения генерала Грачева — никакой наркоты. Его сын умер от передоза, и у Грачева с наркодельцами были свои счета. И он, и его преемники, насколько хватало ресурсов, бились с наркобизнесом насмерть, и Ямпольский не собирался нарушать договоренности. Зато их планировал нарушить Маркелов.

Если бы Ямпольский знал, чем обернется договор с бывшим подельником, лучше бы задушил Рината голыми руками. Но то ли чутье подвело Арсена, то ли он и сам хотел гарантий, теперь сложно было сказать. Они подписали договор, где выступили друг для друга наследниками первой очереди, и если с кем-то происходил несчастный случай, под подозрение автоматически попадала вторая сторона. Но когда Арсен познакомился с Лерой, он не подозревал, что стал для нее смертным приговором.

Тонкая рука легла на его хорошо проработанный пресс безо всякого намека на жир, Арсен в свои сорок пять был в прекрасной форме. Погладила мышцы, пробежалась по жесткой дорожке, спускающейся вниз и ныряющей за мягкий пояс домашних брюк.

Тала Тоцка

— Почему ты ушел? Я замерзла. — Снежана прижалась сзади, обвив его руками. Он взглянул на часы: вообще-то, ей уже пора. Или оставить еще на час? Ладно, полчаса.

Снежана Арсену понравилась, он решил, что пожалуй, пусть еще побудет, ему импонировал энтузиазм, с каким девушка, по ее убеждению, зарабатывала себе корону королевы. Ямпольский вдруг представил ее лицо, узнай она, какой приз ждет в конце победительницу конкурса и какая роль по итогу ей достанется. Даже мелькнула мысль проверить.

Но проверять не стал, повернулся, взял в кольцо рук и прижал к стеклу панорамного окна. Снежана призывно улыбнулась и очертила пальцами татуировку тигра, спускающуюся с плеча на грудь — единственное, что осталось у Шерхана от Шерхана.

— Ты такой классный, как этот тигр!

Арсен взял ее за запястья и потянул вниз.

— Ты сегодня слишком много говоришь, милая. Работаем. Как раз подумай, что выберешь себе в «Бриллианте».

Девушка вспыхнула, как показалось Арсену, от удовольствия, и с готовностью соскользнула вниз. Ямпольский был не настолько недалеким, чтобы не понимать — она кайфует не от самого процесса, а от предвкушения поездки в «Бриллиант» — круглосуточный ювелирный салон. Его владельцем тоже был Ямпольский.

Девочка справилась на пять с плюсом, все-таки хорошее агентство у Бориса, видимо, в прошлый раз просто не повезло. Арсен вернул на место брюки и вызвал охрану. На безупречном лице Снежаны отразилось изумление. Наверняка та рассчитывала, что Арсен поедет с ней и лично сопроводит в ювелирку, потому как не на шутку расстроилась, узнав, что едет с водителем. И даже попыталась качать права.

Напрасно. Уже через пять минут она ехала на заднем сиденье бронированного внедорожника, испуганная и притихшая, а Ямпольский вошел в душ и встал перед зеркалом, уперевшись в стену по обе стороны. Уставился на свое отражение, скользнул взглядом по татуировке. У Шерхана, выбитого на его груди, глаза казались живыми, любовницы утверждали, что Арсен похож на своего тигра. Может, так оно и есть.

«Медвед», — вспомнилось вдруг, и уголки губ Арсена непроизвольно поползли вверх.

— Ты не тигр, Шерхан, слышал? Ты теперь медвед! — прищурился Арсен, и ему показалось, что в глазах Шерхана мелькнула усмешка.

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

Ямпольский улегся на перестеленную кровать и уставился в потолок, белье сменили, пока он был в душе. Итак, жена. Юная, красивая и особенная. В которую без ума влюблен счастливый муж. На это должны купиться все, в особенности Грек, хитрый, расчетливый бандит, который на самом деле никуда не делся, как и Шерхан. Он тихо сидел в теле Рината Маркелова, ожидая удобного случая, чтобы выбраться наружу.

Арсен не даст Маркелову похерить все, с таким трудом создаваемое годами, а главное, он теперь сможет отомстить. Так, как мечтал все эти годы. Маркелова нужно убрать, и сделать это было под силу только одному человеку — жене Арсена Ямпольского. Которая пока не маячила даже на горизонте.

На третий день после ...надцатого выступления Ямпольский не выдержал:

— Борис, я тебя прошу, пусть они просто ходят. Молча. Ну сколько будет продолжаться эта «Песня года»?

— Хорошая передача, — буркнул Навроцкий, — что тебе опять не нравится?

— Тысяча девятьсот восемьдесят пятого, Боря!

— Ладно, перерыв, — сдался тот и вздохнул, — и пожрать не мешало бы.

— Борис Альбертович... ой! — В открытую дверь с размаху влетела Эвангелина и оторопело застыла на пороге. — Извините, вы заняты. Я пойду.

— Подожди, Эва, — вырвалось у Арсена непроизвольно, и когда та с удивлением уставилась на него, он подался вперед, разглядывая девушку.

Свободная футболка с размытым принтом, как сейчас модно — то ли ухо там, то ли серьга, не поймешь. Джинсы, разодранные на коленках, — Арсену всегда было интересно, эти дыры потом ползут дальше или они все-таки чем-то фиксируются? Кожаная «косуха», на ногах ботинки а-ля морской пехотинец. Лицо все то же, мечта почившего в Ямпольском художника, и прямые густые волосы, собранные в хвост. Вспомнилась маленькая Машка. Ну какая с этой Эвы мама, ей лет семнадцать можно дать, не больше!

Ямпольский еще помолчал, чтобы вогнать девушку поглубже в состояние смущенной неопределенности, а потом спросил:

Тала Тоцка

- У тебя есть мечта, Эвангелина?
- Есть, и не одна, — серьезно ответила Эва, и Арсену показалось, вопрос ее совсем не удивил.
- Разве их может быть много?
- Как минимум, две: несбыточная и приземленная.
- Поделишься? — Ему вдруг стало в самом деле интересно.
- Несбыточной нет, конечно, — усмехнулась Эва.
- А приземленной?
- Париж, — ответила она очень быстро.
- Завтрак с видом на Эйфелеву башню? Кофе с круассаном? — скептически выгнул бровь Арсен.
- Можно и кофе с круассаном, — улыбнулась девушка, и в этой улыбке не было ни манерности, ни жеманства, — а потом Лувр, Версаль, музей Орсе и Пер-Лашез.
- Музей Орсе? Правда? — Изумление Ямпольского было неподдельным. — И что ты там будешь делать?
- Дышать, — после небольшой заминки ответила Эвангелина, — и смотреть. Я немного говорю по-французски, так что можно воспользоваться услугами экскурсовода.
- И ты сумеешь отличить Моне от Мане? — недоверчиво уточнил Арсен.
- Это что, два разных мужика? — влез Навроцкий. — Seriously?
- Мане — люди, Моне — пятна, — хором сказали Эва с Ямпольским, она повернулась к нему и прыснула в ладонь. А Арсен просто охренел.
- Ладно музеи, но Пер-Лашез! Что интересного может быть там для такой юной девушки? — продолжил он, и тут снова влез Борис:
- Что такое Пер-Лашез? Театр?
- Это кладбище, Боря, — объяснил Арсен, и Навроцкий ошарашенно потер лоб.
- Эпическая сила... В самом деле, Эвочка, что тебе делать на кладбище? Мне кажется, рановато, — развернулся он к девушке.
- Это не обычное кладбище, Борис Альбертович, — Эва засмеялась, она смеялась открыто и заразительно, Ямпольский следил за ней исподлобья, — а некрополь.
- В смысле, без могилки, что ли?
- Там усыпальницы, склепы, колумбарии, — объясняла Эва, а Арсен думал, его мысли принимали определенные очертания и уже складывались в четкий план, — для парижан это как парк.

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

— Какой парк на кладбище, прости господи? — непонимающе переспросил Борис. — Надо же, сколько приходилось бывать в Париже, и ни разу там не был. У меня София по этой части, и в театры меня водит, и в музеи. А вот на кладбище ни разу не отвела.

— Так съезди, Борис Альбертович, наведи шороху, присмотришься к соседям, — сказал Арсен и спросил Эву в лоб: — Ты ка-раоке петь любишь?

Она недоуменно пожала плечами и посмотрела на Навроцко-го, словно ища поддержку. Борис, начиная догадываться, вперил хищный взгляд в Ямпольского, но того уже было не остановить.

— Спой то, что тебе нравится, Эва. Можешь без музыки.

Эвангелина подумала, достала телефон, полистала экран и положила мобильник перед собой.

— Я не помню текст наизусть, — сказала, будто извиняясь.

*Comme une pierre que l'on jette
Dans l'eau vive d'un ruisseau...**

Ее голос был недостаточно сильным, а французский далеко не идеальным, но она пела с приятной хрипотцой, копируя Фриду Боккара, и от этого ее прононс казался почти парижским. Точнее, не пела, она эту песню дарила, даже руку держала так, будто протягивает в ней что-то. Арсен прикрыл глаза и замер. Забытые ощущения прорывались из-за тех заслонок, которые он давно поставил внутри и запер за ними все, что когда-то делало его живым.

Он забыл о чувствах, которые были доступны простым смертным и казались совсем лишними для таких небожителей, как он, — радость, счастье, любовь и даже ненависть. Он был уверен, что избавился от них давно и навеки, а теперь они грозились вырваться наружу и затопить его по самые края.

— Довольно, — жестко приказал, и Эва осеклась, замолчала, выключая телефон.

На миг установилась неловкая тишина.

— Мечты должны сбываться, Эвангелина, даже несбыточные. Ты сможешь поехать в Париж, — сказал Ямпольский, поднимая голову и глядя на нее тяжелым взглядом. И снова охренел, понимая, что ничего не может прочесть по лицу девушки. Ее глаза

* «Мельницы моего сердца», 1969, Мишель Легран, исп. Фрида Боккара.

Тала Тоцка

были как тихая гладь озера с лунной дорожкой. Темный омут. Ничего...

Арсен привык щелкать людей, как переспелые орехи, он с легкостью мог вычислить слабое место каждой человеческой особи, он с полпинка понимал, как подчинить их волю, а здесь впервые чувствовал себя безоружным. И перед кем? Перед девчонкой, едва разменявшей два десятка лет?! Арсен сдержал охвативший его гнев, но факт оставался фактом — защиту, которую выставила перед собой Эвангелина, не мог пробить его самый пронизательный взгляд.

Ямпольский весь подобрался, впервые за многие годы ему попался такой экземпляр, он бы даже назвал ее достойным соперником, если бы она не была так молода.

— Ты сможешь поехать в Париж, Эва, — повторил Арсен, наклонившись вперед, — если станешь финалисткой конкурса красоты.

— Я? Конкурса красоты? — Она вскинулась как ужаленная. — Разве я подхожу?

— Что ты выдумал, Арсен, — забеспокоился Навроцкий, — Эву нельзя на конкурс, у нее проекты, она мой ведущий фотограф.

— Найдешь себе другого.

— Но, — Эва беспомощно оглянулась, — там нужны платья... даже несколько... Для конкурсов. У меня есть... Два... Только вряд ли они подойдут...

— Встань ровно, — Арсен достал телефон и включил камеру, — какой у тебя рост?

— Метр семьдесят четыре.

— Отлично. — Он сделал несколько снимков опешившей Эвы и нажал «отправить».

— Платья будут, — сообщил он, — мой знакомый займется. Он известный кутюрье, ты останешься довольна. Как твоя фамилия? — Он взял ручку и посмотрел на Эву.

— Казаринова, — ответила та и облизнула губы. Наверное, пересохли от волнения, и Арсену это тоже понравилось.

— Хорошо, иди, Эва, — кивком головы отпустил ее Ямпольский.

Взял список, дописал внизу от руки: «Эвангелина Казаринова».

— Послушай, Арсен, так нечестно, — запротестовал Навроцкий, — зачем тебе сдалась Эвангелинка? Она же не то, что те шалавы, прости господи, она хорошая девочка, у нее дочка маленькая. И никого из родных, кроме этого козла Бессонова. Оставь ее в покое, пусть работает, а тебе мы подберем...

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

— Бессонова? Она родственница Бессонова?

Весь облсовет ел у Ямпольского с рук, поэтому проблемой это точно стать не должно.

— Да, он ее двоюродный дядя, но Эва с ними не общается. А родители умерли. Не трогай ее, Арс, прошу тебя!

Арсен даже глаза прикрыл, чтобы не выдать грохочущего внутри фейерверка. Все-таки Шерхан всегда был везучим гадом, везучим и живучим, и теперь главное было не спугнуть фарт, на этот раз сдавший ему все возможные козыри. У его будущей жены нет родственников, которые могли бы стать проблемой. Да!

Взял ручку и размашисто написал рядом с именем Эвы: «Ямпольская», «Казаринова» зачеркнул. А потом, не говоря ни слова, протянул лист Навроцкому. Тот посмотрел на лист и лишь вздохнул.

— Да понял я уже, понял.

Арсен вышел из машины и достал с заднего сиденья орхидеи. Лера любила их, и он каждый раз привозил ей разные. Сегодня у Леры был день рождения, и сегодня была очередь белых. Если бы семь лет назад Арсен знал то, что выяснил спустя четыре года, Лере бы сегодня исполнилось тридцать шесть, а Пашке одиннадцать. У Ямпольского был бы уже совсем взрослый сын и еще молодая и прекрасная жена. А главное, у него могла быть дочь, может, постарше, может, совсем мелкая — как Маша, дочка Эвы. Если бы только Арсен знал тогда то, что знает сейчас.

Он свернул на дорожку, ведущую к могиле жене и сына, и еще издали увидел сгорбленную фигуру. Первым порывом было выхватить пистолет и разрядить всю обойму в голову, склоненную перед роскошным памятником, который Арсен поставил своей семье. Он попал бы даже с закрытыми глазами, ладонь обожгло от желания ощутить кожей холодную сталь.

Ямпольский всегда ходил с оружием, плевать он хотел на запреты, да и попробовали бы его остановить. Но сейчас он сдержался, хоть усилия пришлось приложить немалые — Маркелов не заслужил такой легкой смерти, поэтому тигр снова должен затаиться в засаде.

— Здравствуй, Арсен.

— Здравствуй, Ринат.

Ямпольский пожал протянутую руку. Он уже полностью владеет собой, Ринат не должен ни о чем догадываться, именно поэто-

му Арсену пришлось ждать так долго, целых три года. Три года с тех пор, как он решил переделать комнату сына и нашел спря-
танный среди детских книжек дневник Леры.

Маркелов тогда на месяц улетел в Африку, Арсен сумел справиться с бушевавшей в нем яростью, и когда они встретились, не выдал себя ни словом, ни взглядом. С тех пор дня не прошло, чтобы он не изобретал способ отомстить Ринату за семью.

Ринат любил Леру; если бы Арсен знал об этом, он огородил бы свою семью тройным кордоном охраны, он и так достаточно их охранял, но основной источник опасности оставался в свободном доступе.

Лера была сводной сестрой Рината, его отец женился на матери Леры, когда та была совсем мелкой. Мать Рината вышла замуж и увезла его в столицу, Лера закончила институт, и отец попросил Рината подыскать сестре в столице работу. Вот тогда она и познакомилась со своим сводным братом и его деловым партнером.

Арсен влюбился, в нее нельзя было не влюбиться, но она долго отказывала ему, хоть он по глазам видел, что небезразличен девушке. Теперь Арсен знал, что дело было в Ринате и его ревности, он прочел в дневнике, как тот задаривал Леру подарками и добивался ее руки. Лера уже была влюблена в Арсена, но боялась отвечать взаимностью, чтобы не злить сводного брата. Но все решилось само собой.

В тот день лил дождь, Ямпольский пролетел в джипе по луже и с ног до головы окатил идущую по тротуару девушку. Это была Лера. Он отвез ее к себе, чтобы она высушила вещи и согрелась, целоваться они начали еще в коридоре, несколько суток не вылезали из постели, и больше Арсен ее из своего дома не выпустил.

Маркелов заехал к нему на следующий день как бы по делу и увидел Леру в футболке Арсена. Зацелованную и счастливую. Она тогда испугалась, Арсен видел, но решил, что это всего лишь неловкость девушки, которую старший брат застал в постели с мужчиной. А Лера испугалась мести, и она была права, вот только Арсену ничего говорить не стала.

На их свадьбе Маркелов пил не останавливаясь, и в самый разгар веселья молодым доставили похоронный венок. Лера знала, кто его прислал, и снова ничего не сказала мужу. Она боялась за него, Ямпольский не задумываясь убил бы Рината и сел в тюрьму. При любом раскладе бы сел, потому что тот проклятый договор наследования автоматически ставил его под удар, даже если бы Ринату просто упал на голову кирпич. И Маркелов не мог

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

убрать Арсена, для таких гарантий и составлялся этот договор. Поэтому он решил убить его семью.

— Ты сегодня рано, — ровно сказал Арсен и наклонился положить цветы рядом с роскошным букетом Маркелова.

Поставил коробку с машиной на радиоуправлении. Наверное, Пашка бы с удовольствием с такой играл, но теперь Арсен этого никогда не узнает. Машина, на которой ехали Лера с Пашкой, потеряла управление и сорвалась с виадукта. Водитель прожил несколько минут, пассажиры скончались от удара мгновенно. Четыре года Арсен искал виноватых, и Ринат самоотверженно, одержимо искал вместе с ним, пока тот не прочел дневник своей жены.

Год Ямпольский потратил на то, чтобы осторожно, не выдав себя, найти доказательства, рыть всегда легче, когда четко обозначено направление. А потом начал искать способ отомстить. Он бесшумно выпустил воздух сквозь сцепленные зубы и выпрямился.

— У тебя никогда такого не было, — начал Ринат, и голос его звучал странно отрешенно, — что вот живешь, живешь, существуешь зачем-то, а потом оглядываешься и готов отдать все, что у тебя есть, чтобы вернуться назад и все изменить?

— Нет, — очень спокойно ответил Арсен, сунув руки в карманы, чтобы тот не видел, как он добела сжимает их в кулаки, — я всегда готов ответить за каждый свой выдох.

— Везет тебе.

Они стояли рядом и смотрели на портрет красивой молодой женщины и маленького четырехлетнего мальчика, как две капли воды похожего на Арсена. Три года Ямпольский думал, просчитывал, взвешивал и отметал способы мести. Но теперь он знал наверняка.

Его личное изобретение, адская машина, взрывное устройство такого размера, которое можно было спрятать в тюбик губной помады. От Хелены Рубинштейн, например, или Герлен. Главное, что Ринату в голову не придет обыскивать любимую жену своего делового партнера, давнего приятеля, почти друга. Жену Арсена Ямпольского, красивую, молодую, особенную, за которую тот любому перегрызет глотку.

Она сядет в машину к Маркелову — Арсен еще не знает, при каких обстоятельствах, да разве это так важно сейчас? Устройство сработает, но никто не заподозрит Арсена, скорее, под подозрение попадут охранники. Потому что Ямпольский будет

Тала Тоцка

любить свою жену так, что об этом будут знать даже медведи на Северном полюсе.

«Медвед..». А вот это лишнее. Нельзя дать прорваться плоти-не, которая сдерживает все чувства и которая в последнее время стала часто ощущаться, раньше Арсен о ней не вспоминал. Он не сделает этот брак настоящим, у Ямпольского были свои представления о порядочности, он скажет своей будущей жене правду, пусть не всю, но он не станет играть с ней в любовь. И почему ему вдруг захотелось, чтобы это была не Эва?

— Поехали, Арсен, у нас через двадцать минут встреча с Тюриным. — Маркелов расправил плечи и первым пошел к машине.

— Он за все ответит, Лера, ты же помнишь? Я обещал, — одними губами сказал Ямпольский и направился следом.

— Знаешь, Бас, когда тебя боятся, это как наркотик. Люди смотрят на тебя как на бога, и ты чувствуешь себя богом, потому что можешь делать с ними все что угодно. Конечно знаешь, тебе ли не знать, сам такой же. Тебя боятся, и тебя от этого прет. — Арсен сидел на ступеньках, опершись локтями о колени, и смотрел на красные облака, затянувшие горизонт. Значит, будет ветрено...

Баскервиль лежал рядом и молчал, Ямпольский ценил в нем это больше всего, хоть у Баскервиля хватало других достоинств. Никто в его окружении не умел слушать так, как Бас, поэтому Арсен больше ни с кем не разговаривал. Ну чтобы подолгу.

Кане-корсо серого окраса с голубоватым оттенком ему предложил забрать знакомый заводчик. Щенок-отбраковка уже тогда был вдвое крупнее своих братьев и сестер, отбирал еду у родичей, пробираясь к кормушке прямоком по их головам. Это так впечатлило Ямпольского, что он забрал щенка, не торгуясь.

Заводчик клялся, что аномальный для кане-корсо рост — это случайность, а Ямпольский был уверен, что врет, наверняка намешано в щенках кровей, видать, там родословные клепают в соседнем подвале. В чем бы ни была причина, Баскервиль в холке был раза в полтора больше положенных стандартов. И в длину был больше, и весил как хороший теленок. Но несмотря на свои габариты и устрашающую морду, Ямпольского он принял за главного, сразу и безоговорочно ему подчинился.

Нрав у Баскервиля был точь-в-точь как у хозяина, тяжелый и скверный, поэтому жил он в отдельном вольере, больше напоми-

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

навшем однокомнатную квартиру, в самой дальней точке поместья Ямпольского. Зато они хорошо понимали друг друга. Подпускал пес к себе только трех из тридцати шести обслуживающих поместье Арсена, и, на взгляд Ямпольского, это был отличный процент доверия. Гораздо более высокий, чем люди того заслуживают.

В этом псу повезло больше, чем Арсену, полностью довериться в этом мире Ямпольский не мог никому, кроме разве что Баскервилю. Но Бас не человек, значит, процент доверия к человечеству у Арсена равнялся нулю. Поэтому о том, для чего ему нужна жена — молодая, красивая, особенная, — не должен был знать никто.

Арсен протянул руку и потрепал лежащую рядом собаку по загривку. Широкая грудная клетка, мускулистая грудь и спина напоминали Ямпольскому его самого. Иногда ему казалось: будь Баскервиль человеком, они могли сойти за братьев-близнецов, и неизвестно, в чем было бы больше сходства — в мышечной массе или в звериной сущности обоих.

— А еще они думают, что от них что-то зависит, представляешь?

Баскервиль, наверное, такого не представлял, поэтому глухо ухнул несколько раз, отчего тут же в небо взметнулась стайка птиц, и Арсен пожалел, что под рукой нет фотоаппарата. Забавно было бы их заснять на фоне устрашающей морды Баскервиля.

Тут же вспомнилась Эва, точнее, ее работы. В них определенно прослеживался особенный, отличный от других стиль. Ее работы цепляли, такое Арсен наблюдал у очень немногих, в мире их на пальцах можно было пересчитать, включая его самого.

— Она умеет выбрать ракурс, — объяснил Арсен Баскервилю в ответ на его немой вопрос, и тот несколько раз глухо рыкнул в знак согласия. — А еще знает, чем Мане отличается от Моне. И она не слушает эту тошнотную современную музыку.

Пес слушал, положив голову на лапы, и лишь моргал.

— А эти претендентки, ты бы их видел! У них в глазах счетчики щелкают и крутятся как сумасшедшие. Может, мне тебя взять на конкурс, а, Баскервиль?

Снова глухое рычание в ответ.

— Думаешь? — взглянул на него Ямпольский. — Ну ладно, как скажешь.

Он скормил псу последнюю полоску сушеной говядины и поднялся, отряхивая джинсы.

Ямпольский в окружении охраны шел по коридору ночного клуба «Прайм-тайм», где уже через полчаса должен был начаться конкурс красоты «Мисс Идеал». Масштабная рекламная кампания заставила говорить о конкурсе весь город, освещать мероприятие прибыли представители ведущих городских СМИ и телевизионных каналов.

Конкурс, спонсором которого выступила компания «Индастрил Инвест», был инициирован модельным агентством «Elit Models Lux». Победительница конкурса становилась лицом компании и награждалась поездкой в Париж. Кроме того, ходили слухи, что призовой фонд конкурса составляют просто баснословные суммы.

Конечно, слухи пустил Борька, и пустил их специально, но разве могло быть по-другому, когда в жюри председательствует миллиардер Ямпольский? Арсен в самом деле не поскупился, причем номинаций было много, пускай, девочки заслужили. А с победительницей он разберется сам.

Внезапно захотелось ее увидеть. Ямпольский круто свернул с намеченного маршрута, и охрана безмолвно повернула следом.

— Узнайте, где Казаринова, — распорядился Арсен и уже через минуту стоял перед рядом комнат на втором этаже, где обычно устраивались гримерки для приглашенных артистов или готовились к выступлению танцовщицы. — Позовите ее.

Она наверняка не одна, не вламываться же ему вместе с охраной к переодевающимся девушкам, а там еще визажисты, парикмахеры...

— Арсен Павлович, вы? — Эва стояла в дверном проеме и с удивлением смотрела на Ямпольского, а у того вдруг захватило дух.

Ей удивительно шел желтый цвет, платье струилось по ногам, расширяясь книзу, делая ее похожей на диснеевскую принцессу.

— Я пришел пожелать тебе удачи, Эва. — Вышло хрипло, потому что голос почему-то сел.

У Арсена появилось странное чувство, что они познакомились не сегодня, что они знакомы давно, просто только сейчас встретились. Ее лицо, потрясенное и слегка встревоженное, вызывало смутные ощущения, будто где-то они виделись, возможно, в прошлой жизни, оттого сейчас эта тоненькая девушка казалась удивительно близкой.

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

Нужно уходить, пока он не выдал себя и не сморозил глупость. Ямпольский сделал шаг назад к отошедшей на почтительное расстояние охране.

— Спасибо вам. — Она перебирала пальцами складку платья, а Арсен думал, как ему нравятся ее руки.

— Я буду болеть за тебя, — улыбнулся левым уголком рта и, оставив опешившую девушку в полном недоумении, направился в сторону лестницы.

В ВИП-кабинете, здесь же, на втором этаже, ждет корзина белых роз, следует подписать карточку, и охранник доставит букет по назначению. Арсен представил лицо Эвы, когда она прочтет записку, и снова у него участилось дыхание.

Определенно, Навроцкому следует подкинуть акций холдинга, он заработал и за конкурс, и за Эву. Ямпольский прошел в свой ВИП, розы были роскошными.

— Арсен Павлович, там только вас ждут, — встал в дверях охранник.

— Иду, Леша.

Ямпольский достал ручку и размашисто написал на картонном прямоугольнике с вензелями: «До встречи в Париже». Вложил в розы, кивнул Алексею на корзину и направился к выходу.

Глава 1

ТРИ ГОДА ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ НАЗАД

Эва праздновала освобождение. Она сама не думала, что будет так радоваться убогой клетушке, которую они сняли напололам с Ирккой, университетской подружкой и одногруппницей. Вот правда. Ее и квартирой-то назвать после бессоновских хором язык не поворачивался, зато у каждой будет отдельная комната. Это Эва настояла, пусть дороже, но квартиру они сняли двухкомнатную.

Она отметила свое восемнадцатилетие с Ирккой кофе и десертом, а затем девушки отправились осматривать предлагаемые варианты сдаваемых в аренду квартир. Хотя Петр Станиславович и обещал помощь, Эва решила обойтись без него. Каждый месяц из родного города ей приходила арендная плата, которую дополнял пусть копеечный, но собственный доход от размещения фотографий на стоках. Так что Эва чувствовала себя богачкой. И только когда приехало такси, чтобы перевезти ее не слишком впечатляющий багаж, Бессоновы спохватились.

— Прости, детка, я так замотался с этими выборами, что совсем забыл о твоём дне рождения, — покаянно бил себя в грудь дядя, и даже Бессонова смотрела почти виноватым взглядом.

— Все хорошо, Петр Станиславович, мы ведь так и договаривались, пройдут выборы, и я съеду, — успокаивала его Эвангелина.

— Ладно тебе причитать, пап, — закатила глаза Алена, — ну забыли, с кем не бывает. Эвка не в обиде, а подарки никогда не поздно подарить. Мы с ней в «Беладжио» ходим или в «Перегрин». Куда ты хочешь, Эва?

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

— Мы можем устроить барбекю в нашем загородном доме, — проявила неслыханную щедрость ее мать, и Бессонов с энтузиазмом поддержал жену.

Эве никуда не хотелось идти, особенно с Аленой, да и неудивительно — мало кому нравится ощущать себя неуклюжим глиняным горшком, выгодно оттеняющим хрупкость и изысканность изящной вазы. А Эвангелина возле Алены именно так себя и ощущала. Утешало лишь то, что рядом с тонкокостной и эфемерной Аленой мало кому удавалось изображать породистую аристократию.

Но когда Алена забывалась и, по выражению подружки Ирки, «сняла корону», с ней было можно вполне сносно поболтать. Надо ли говорить, что между парой часов в компании троюродной сестры и испорченным выходным в обществе всего семейства Бессоновых Эвангелина безоговорочно предпочла Алену.

Они уже час сидели в «Беладжио», и Эва украдкой поглядывала на часы. Еще минут сорок, и со спокойной совестью можно потихоньку начинать сворачиваться. А там пока принесут счет, пока придет такси, и время, отведенное для праздничного ужина, закончится.

— Макар? — На безупречном лице Алены удивленно взлетели идеальные брови, а у Эвангелины почему-то бисто-быстро застучало сердце.

В грудь будто плеснули кипятка, там вмиг стало горячо и тесно, щеки вспыхнули, и, наверное, уши тоже окрасились красным. Хорошо, что волосы длинные, если опустить голову, то и лицо можно частично прикрыть.

— Привет, Алена, — услышала она низкий голос и даже дыхание затаила, — а я мимо ехал, увидел твою машину.

— Да, мы здесь с Эвой отмечаем ее восемнадцатилетие. — Эва поражалась, как может так меняться человеческий голос. Только что Алена говорила вполне обычно, а теперь ее речь переливалась, будто жемчужинки сыпались. — Знакомься, Мак, это моя сестра Эвангелина. Троюродная, — добавила поспешно.

— Сестра? Что ж, поздравляю, восемнадцать лет это шикарно.

Эва сама не понимала, что с ней творится, но удушливая волна не отпускала. Она осторожно выдохнула воздух через крепко стиснутые зубы и заставила себя поднять голову.

Такого не может быть, так не бывает. Эва ошеломленно смотрела на стоящего возле них молодого человека и не смела шевельнуться, ее будто парализовало. Она ничего не видела перед

собой, за исключением того, кого Алена назвала Макаром. Эву будто намертво приклеило к нему, взглядом конечно, но было еще что-то, что заставляло сцепить пальцы, изо всех сил стараясь подавить лихорадочную дрожь. А ведь у нее и рассмотреть его толком не получалось, он даже не повернулся в ее сторону.

Он упирался одной рукой о стол, а другой о спинку стула и так смотрел на Алену, что у Эвы внутри все сладко сжималось. Она даже думать боялась, что стало бы с ней, если бы он на нее ТАК посмотрел. Эва тогда точно бы сознания лишилась. От Макара будто толчками расходились волны чего-то очень мужского, совсем ей неизвестного. Волны невидимые, но такие ощутимые, что оставалось лишь удивляться, почему они не действуют на Алену, по крайней мере, она и виду не подает.

На официантку вон точно действуют, судя по ее идиотскому выражению лица. Это что, и у нее такое же? Если да, то лучше застрелиться. Но как можно стреляться, если тут просто пошевелиться не получается? Волны одна за другой накатывали на Эвангелину, а вот Алена сидела как ни в чем ни бывало, Эва даже позавидовала.

— Эвка, знакомься, это Макара, у него тоже скоро день рождения, юбилей! — Алена снова журчала, пересыпая жемчужинками, и смотрела на Эвангелину, зато Макара и головы не повернул в ее сторону. Может, и к лучшему, потому что она и звука не могла выдать.

«Макара, это наша домашняя зверушка Эвочка, мы ее на помойке подобрали. Хочешь погладить? Не бойся, от блох и паразитов ее обработали...»

— Ты приедешь, Аленка? — Наверное, будет совсем невежливо попросить Макара замолчать? Ну никаких сил нет слушать этот пробирающий до дрожи хрипловатый голос. А он как назло продолжал: — Мы собираемся за городом, у меня в доме.

— Не хочешь отмечать в ресторане? — Как у нее получается так владеть собой, для Эвы было непостижимой загадкой. Волны Макара уже достигли противоположного конца зала, оттуда призывно смотрели две эффектные барышни.

У Эвы было ощущение, что дай им команду, они с радостью выпрыгнут из своих люксовых шмоток, включая нижнее белье, стоит Макару только поманить. Но он на них и не глянул, протянул руку и очень нежно заправил Алене за ухо свисающую прядь. Эву как током ударило, как будто это ее он коснулся, и тут же некстати подумалось, что было бы, если бы Макара при-

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

коснулся к ней. Наверное, тогда кома оказалась бы самым предпочтительным исходом.

— Не хочу. Все уже предупреждены. Так ты приедешь?

— Приеду. О, мы с Эвкой вместе приедем, ты поедешь к Макару на дачу в эти выходные, Эва?

И тогда он впервые посмотрел на нее, пусть лишь мельком скользнул взглядом, Эве было все равно. Главное — посмотрел. Она вновь сцепила пальцы, усмиряя дрожь, и даже выдавила некоторое подобие улыбки. Вот только Макар улыбки не дождался, повернулся к Алене, зато Эва успела его наконец-то рассмотреть.

Глупо было ожидать, что мужчина, способный одним своим присутствием внести такое оживление на нескольких десятках квадратных метров, будет иметь заурядную внешность. Но не до такой же степени! Его лицо было красиво той мужской красотой, которая так и просилась на знаменитый календарь с австралийскими пожарными. Своему телу Макар наверняка уделял немало времени, так что австралийские пожарные могли спокойно удавиться от зависти. И это он был еще в футболке и джинсах. Но Эве было вполне достаточно, как и официантке, как и тем двум барышням в углу. Одной Алене нипочем.

Серые глаза пронзили Эву насквозь, Макар попрощался и пошел к выходу, и только тогда отступила удушающая волна, которая не давала ей даже нормально вдохнуть.

— Что, понравился Макар? — понимающе взглянула на нее Алена. — Он всем нравится.

— Так, ничего, — выдавила Эва, понемногу начиная возвращаться к жизни. — А тебе?

— И мне. Он в меня влюблен уже сто лет, он в восьмом классе был, а я в пятом, мы в одной школе учились, он и сейчас по мне сохнет. Каждый раз замуж зовет.

— А ты? — Эва говорила односложно, с трудом произнося слова пересохшими губами.

— Я не вижу с ним перспектив. Пить хочешь? — Алена жалилась над сестрой и попросила официантку принести бутылочку воды. А потом пояснила, глядя на непонимающую Эвангелину: — Он с отцом поругался, когда тот бросил его мать и женился второй раз. Она очень переживала, пить начала, умерла, когда он школу закончил. Макар с отцом не общается, сам бизнес поднял, его мать тоже не из нищенок была.

Эва пропустила шпильку мимо ушей, в конце концов, это Алена, она вполне могла сказать не нарочно. То, что это прозвучало

Тала Тоцка

бестактно и прямым текстом указывало на саму Эву с ее мамой, ее в принципе не волновало.

Когда умерла мама, Эве до восемнадцатилетия оставалось меньше полугода, некоторое время она находилась под попечительством местного опекунского совета. Ей было абсолютно безразлична собственная судьба, она очень тяжело переживала смерть мамы. Откуда взялся Петр Бессонов, двоюродный брат матери, Эва понятия не имела, но тот взялся. В короткий срок оформил опеку и увез Эву из родного города в столицу.

Конечно, Эва могла отказаться от переезда, тем более, что раньше никого из Бессоновых она в глаза не видела, но... Было так тяжело оставаться в квартире, где все напоминало о маме, ходить по улицам, по которым та уже никогда не пройдет, и от просиживания целыми днями на кладбище Эву спасали только холода. Это было больше похоже на бегство, чем на отъезд, и она бежала, даже не сопротивляясь.

Бессонов организовал перевод в один из столичных вузов на ту же специальность, на которой она училась в родном городе. Местным риелторам поручил сдать квартиру в аренду, и Эва сразу объявила, что уйдет жить в общагу. Тогда дядька и признался ей чистосердечно, для чего все это затевалось.

Приближались выборы в городские органы власти, Бессонов собирался баллотироваться в депутаты, и история с бедной родственницей-сиротой очень помогла бы придать создаваемому для избирателей образу нужный оттенок доброты и отзывчивости. Дядька Эве нравился, особенно на фоне своей вечно кривящей губы жены, и она согласилась. Договорились, что Эвангелина поживет у Бессоновых до выборов, поучаствует в различных пиар-акциях — или правильнее говорить предвыборных мероприятиях? — а потом тихо съедет на съемную квартиру. Бессонов обещал подогнать как минимум апартаменты в центре.

Эва свои обязательства выполнила, даже дала несколько интервью, рассказывая, какой Петр Станиславович замечательный человек. Бессонов пахал на достижение цели как проклятый, таскался по округу, встречался с избирателями, выслушивал жалобы и раздавал обещания. Семья его всячески поддерживала, и на фоне этого восемнадцатилетие Эвы прошло незамеченным.

Вообще, сказать, что Эву обижали Бессоновы — бессовестная ложь, не обижали. Петр Станиславович тот вообще так старался вжиться в роль, что сам на время поверил во внезапно проснувшиеся родственные чувства. Эва даже испугалась, спасибо На-

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

талье Георгиевне, вот кто в этой семейке никогда не терял ни головы, ни присутствия духа.

Наталья Георгиевна так старательно демонстрировала полное отсутствие не просто родственных, а каких бы то ни было человеческих чувств, что с первого же дня запустила в голове у Эвангелины счетчик обратного отсчета. Никто в мире, наверное, не ждал так свое восемнадцатилетие, как Эва. Ей еще повезло, что избирательная кампания к тому времени завершилась, Петр Станиславович был благополучно избран депутатом, и у семьи Бессоновых в Эве отпала всякая необходимость.

Дочь Петра Станиславовича Алена была старше Эвы на четыре года, но отнеслась к троюродной сестре вполне терпимо, если не сказать приветливо. И только Наталья Георгиевна неизвестно за что возненавидела Эвангелину с первого взгляда.

Эва налила в стакан воды и залпом выпила. Сразу будто второе дыхание открылось, и говорить стало легче.

— Ну так не бедный парень, что тебе не так?

— Его отец миллионер! Он землей торгует, у него по всему миру земля есть, я слышала, вроде даже приисками какими-то владеет.

— Так ты хочешь выйти замуж за его отца? — не поняла Эва. Алена закатила глаза.

— Ты или тупишь, или притворяешься! Я хотела, чтобы он помирился с отцом, тот же его наследства лишил из-за ссоры. А во втором браке у старшего Демидова дочь, ему бизнес надо кому-то передавать, у него сердце слабое.

— Надо было с первой женой жить и по молодым не бегать. И сердце целее было бы, и с сыном бы не разругался, — рассудительно заметила Эва.

— Так не бывает, — махнула Алена рукой. — Как только у мужчины появляются деньги, сразу хочется жену помоложе. Знаешь, сколько у отца баб? Это мать такая, что ее не бросишь, да и любят они вроде друг друга...

Эва с неожиданным уважением подумала о старшей Бессоновой, а потом вдруг ее пронзила неожиданная догадка. Не ревнует ли Наталья Георгиевна мужа к ней, к Эве? Или может, она вообще считает, что Эва его дочь? Откуда взялась такая неожиданная родня, мама с Петром Станиславовичем и не общались вовсе.

— Так что, поедешь к Маку на день рождения? — оторвал ее от раздумий нетерпеливый голос.

— К кому?

Тала Тоцка

— К Маку. Мы так Макара называем. Понимаешь, — Алена замешкалась, — я там буду не одна. Мак не знает, что я с Русланом встречаюсь, не хочу, чтобы это стало проблемой. А мы в одной тусовке, Руслан его друг...

— Хорошо, поеду. — Губы сами произвольно заговорили, а ведь она уже сочинила крутую отмазку, что у нее есть заказ на фотосессию и его срочно нужно выполнить за выходные, — только я без подарка.

— Без проблем. — Алена прищурилась, оглядела Эву и отчего-то засмеялась. — Будет ему подарок!

Глава 2

— Ты что, не выспалась? — Алена бросила смешливый взгляд, и Эва отвернулась.

Конечно, не выспалась. Выспишься тут, когда перед глазами кривая полуулыбка стоит и от одних воспоминаний до судорог в пальцах прошибает. Эва сразу решила для себя, что никуда не поедет, была в этом уверена вплоть до субботнего утра, и как оказалась в машине на переднем сиденье, сама не поняла.

Теперь таращилась в окно под ехидными взглядами Алены, которые та периодически бросала на нее, сидя за рулем роскошного внедорожника, и едва сдерживалась, чтобы не выскочить на ходу. Хоть в глубине души знала, что поедет, что не хватит у нее духу отказаться, и даже сумку заранее собрала.

Там все на крутых машинах приехали, ну так мажоры же, не на «Ланосах» им ездить, и не на такси. Эва осмотрела парковку, и сердце екнуло при виде стоящего крайним справа автомобиля цвета мокрого асфальта. Он словно приготовился к прыжку, да нет, к взлету, распластав крылья и хищно сощурившись, как... Как его хозяин.

— Макар уже здесь, как думаешь? — делано-равнодушным тоном спросила Эва.

— Да, вот же его машина. «Феррари». Наш Мак не ездит, а летает. — Алена указала подбородком на хищника асфальтового цвета, и Эва только вздохнула. Она что, теперь все так будет угадывать?

Дача ввела Эву в ступор. Если этот музей считается дачей, то как выглядит его столичное жилище? И зачем за городом два этажа? У Бессоновых в столичном доме было два этажа, и Эве их дом казался пустым и огромным. Алена не слишком охотно вво-

дила Эву в свой «мажористый» круг, хоть отец ее и просил, она сама как-то случайно услышала, поэтому знатоком столичного вип-жилья Эва точно стать не успела.

Однако внутри дом выглядел вполне уютно. От музея здесь была только огромная гостиная с камином и широкими вместительными диванами. Макар встречал гостей на пороге, при виде Алены его взгляд будто зажегся. Та вручила ему коробку с подарком, и на Эву никто даже внимания не обратил. Эва забыла спросить, что было в коробке, Алена наотрез отказалась от ее участия в подарке, потому она и не стала расспрашивать.

Макар с Аленой поцеловались, он перехватил ее сумку, а потом наконец увидел Эву. Так удивился. Как еще не спросил «кто это?». Но сдержался, может, вспомнил о подобранной на помойке зверушке, или, скорее всего, ему просто было все равно — одним гостем больше, одним меньше. Он относительно приветливо кивнул и повел девушек выбирать комнату. Поздравление с днем рождения, которое Эва репетировала всю неделю, так и осталось невысказанным. В тысячный раз за утро пожалев, что не осталась в городе, она поплелась по лестнице на второй этаж.

Он привел их в светлую гостевую спальню с панорамными окнами, выходящими на лес, — теперь Эва понимала, зачем в доме два этажа. А ну-ка размести такую уйму гостей, причем их на матрасе на пол не положишь.

Макар что-то негромко говорил Алене, та улыбалась, а Эве было так тошно, что она готова была отправиться обратно пешком хоть сейчас. На что она рассчитывала, когда соглашалась ехать? Что Макар вдруг очнется и обратит на нее внимание? Особенно когда рядом Алена! Оказывается, Эва не удержалась и хмыкнула, потому что Макар с Аленой удивленно на нее посмотрели.

— Устраивайтесь, девочки, и спускайтесь вниз в беседку. — Макар для разнообразия посмотрел на Эву, в третий раз за все время, и вышел из комнаты.

— Он так на тебя смотрит, — не выдержала Эва, когда за ним закрылась дверь.

— На меня так многие смотрят, я привыкла. — Алена плюхнулась на кровать, Эва осталась стоять у окна и смотреть на лес. — Но согласна, Макар классный, он мне тоже нравится, а если послушать других, он в постели уровень «бог». Что ты так краснеешь? — засмеялась она, а Эва и правда почувствовала, как запылали щеки.

— Почему слухи? Ты... вы... с ним...

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

— Трахались? — подсказала Алена, явно получая удовольствие от Эвиного смущения. — Нет. Хотя честно признаюсь, порой мне трудно удержаться. Он слишком... притягателен!

— Что же тебя останавливает? — Эва как могла старалась не допустить ревностных ноток в голосе.

— Понимаешь, Макар — он такой... В общем, он слишком последовательный, если Мак в отношениях, он своей девушке не изменяет. Но если это просто секс, то у него правило: только на один раз, второй раз мало кому удавалось его заманить в постель. И я не могу так рисковать, если мы переспим, то он меня не отпустит, а я уже говорила тебе, что не вижу себя с ним рядом.

— Все у тебя разложено по полочкам, — покачала головой Эва, — а как же любовь?

— Влюбленным должен быть мужчина, женщине достаточно позволять себя любить. Эвка, а у тебя был мужчина? — спросила она вдруг, прищурившись и безо всякого перехода. Эва не успела сориентироваться и снова покраснела. Алена удовлетворенно кивнула. — Я так и знала!

— Какая тебе разница, — пробормотала Эвангелина, пряча глаза, а потом все же не утерпела: — А у Макара много было?..

— Баб? — уточнила Алена. — Да полно!

— Нет, не этого. Отношений.

— Он всего раз или два с кем-то относительно долго повстречался. Но насколько я знаю, с ним в его в квартире никто не жил. Слушай, сестра, — Алена снова прищурилась, — у тебя слишком искаженные представления об отношениях мужчины и женщины.

— Какие есть, — пожала Эва плечами.

— Надо срочно исправляться. Тебе следует переспать с мужчиной, — Алена привстала на локте, — только с таким, чтобы дух захватывало, тогда все пройдет как надо. Хочешь с Макаром? Я помогу.

— Ты с ума сошла? — Эва даже отскочила, казалось, к лицу прихлынула вся кровь. — Он же меня не любит!

— Ты все время путаешь понятия «любит» и «хочет», — недовольно покачала головой Алена, — вот я его не люблю, но хочу, а он наоборот. Тебя не любит, но может захотеть, если не будешь дурой.

— Нет, — решительно мотнула головой Эва, — давай прекратим этот глупый разговор, иначе я прямо сейчас уеду домой. Мне

Тала Тоцка

не нравится Макар, мне не нужен ни он, ни кто-то другой, и без твоего участия я тоже обойдусь.

— Не хочешь — как хочешь, я же просто предложила, — примирительно проговорила Алена, — ладно, не дуйся. В конце концов, он на тебя еще вряд ли поведется, так что проехали. Пойдем, нас уже ждут.

Эва шла за Аленой и прижимала к горящим щекам ладони в надежде их остудить. Внутри нее все продолжало возмущенно пылать, но где-то совсем глубоко тихий голос шептал, что Алена права и если бы Макар вдруг сошел с ума и пожелал ее, у Эвы не хватило бы ни сил, ни желания его оттолкнуть.

Обойдя ухоженную территорию, Эва поняла, почему Макар пригласил гостей сюда. Дома в поселке строились на довольно большом расстоянии друг от друга, а его дом был самым крайним и заходил почти в самый лес. За домом со стороны леса виднелось внушительное строение, это и была беседка-барбекю, о которой говорил Мак. Сейчас там было полно народу.

— Знакомьтесь, это Эвангелина, — представила ее Алена, — можно Эва.

Эва чувствовала себя экспонатом в музее, правда, особого резонанса ее появление не вызвало, некоторых девушек из их тусовки Эва знала, пересекались, пока она жила в доме Бессоновых. Но большинство, особенно это касалось парней, были ей незнакомы.

— Почему Эвангелина, а не Евангелина? — спросила высокая блондинка, отбрасывая волосы на спину. — Кажется, так правильно?

— Да, правильно, — подтвердила Эва и уже тише добавила: — Но так мама захотела...

К счастью, ее не услышали или просто не стали дальше развивать тему. Спросили, что она будет пить, а когда сказала, что ничего, и вовсе оставили в покое. Эва обнаружила в углу кофемашину, благо обращаться с ней она научилась в доме дяди, и сварила себе кофе.

— Мне можно тоже? — услышала за спиной голос, от которого тут же затряслись руки, она даже глаза прикрыла.

— Тебе какой? — Эва сама не узнала свой голос, так надтреснуто он прозвучал.

— Двойной эспрессо, — ответил Макар, а потом спросил, наклонившись почти к самому уху, и от его дыхания позвоночник

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

прострелило шаровой молнией: — Ты не знаешь, почему Аленка такая дерганая?

«Потому что сейчас приедет Руслан, она спит с ним и боится, как ты отреагируешь».

Вслух Эва этого не сказала, да и незачем было, в беседку уже входил темноволосый молодой человек с коротко стриженной бородкой. Руслан. Эва видела его два или три раза. Он подошел к Алене, поцеловал ее не оставляющим сомнений в уровне интимности их отношений поцелуем, а затем, не выпуская из объятий, протянул Макару руку.

— С днем рождения, брат!

В беседке установилась тишина, все смотрели на виновника торжества, Алена испуганно моргала, Эва замерла, вцепившись в чашку. Макар медленно отпил кофе, а затем пожал протянутую руку.

— Спасибо, Рус, — и улыбнулся.

Весна уже явно собиралась на покой, майская теплынь со дня на день грозила смениться летней духотой, а пока солнце пробивалось сквозь листву и приятно согревало оголенные плечи. Эва порадовалась, что надела футболку со спущенными плечами, теперь можно было даже немножко позагорать.

Она шла по лесу и счастливо улыбалась. У нее получилось незаметно, по стеночке, выскользнуть из беседки, сбегать в дом за фотоаппаратом, а потом, никем не замеченной, пробраться за территорию дома в лес.

Будто тонну груза с себя спихнула, так стало легко и свободно дышать! Что поделать, если она чувствует себя совсем чужой в той компании. За исключением Макара. Эва не понимала, как так получается, что она так тонко ощущает все его чувства. Она потому и сбежала, что слишком тяжелым оказался стук злости и ревности в груди мужчины, который за эти несколько дней сделался для нее так пугающе безразличен.

Хотя внешне Мак держался отменно. Когда Эва уходила, они как раз выпивали с Русланом. Пили пиво, крепкие напитки оставили на вечер. Она случайно услышала, как Алена сбивчиво шептала подруге — Инге, кажется, — что после ее расставания с предыдущим парнем Макар не давал ей прохода и был твердо уверен, что на этот раз она будет с ним.

Тала Тоцка

Такой разговор не добавил Эве радости, и теперь она чувствовала себя заключенным, вырвавшимся из тюрьмы на волю. Кадр за кадром щелкала понравившиеся ракурсы, ей даже ежик попался! А еще птица, довольно крупная, с ярким оперением. Эва поначалу решила, что это попугай.

Ну а что, попугай не может сбежать из клетки? Тем более поселок небедный, его жители вполне в состоянии содержать целые зоопарки, не то что попугаев. Но птица улетела, отказавшись позировать и так и оставшись неопознанной. Эва попыталась ее догнать: вдруг та просто решила перелететь на соседнее дерево?

Она не сразу поняла, что заблудилась, ей даже почудились крыши домов за деревьями. Но это оказались не крыши, а густой кустарник, которого возле дома Макара точно не было. И связи не было. Эва обежала немалый круг, подняв телефон вверх. Глухо. Самое обидное, что и лес не был непроходимой чащей. Дубки, осинки, не слишком высокие, на них даже нельзя было влезть, чтобы сориентироваться, где она находится.

Как скоро ее хватятся и хватятся ли вообще? Алена вся в своей новой любви, а остальные вряд ли вспомнят об Эве, хотя, может, она и несправедлива к сестре. А вдруг ее уже ищут и не могут найти? Липкий, холодный страх пополз по спине. «Надо звать на помощь!»

— Эй! Э-э-э-эй! — завопила Эва изо всех сил, вытирая непроизвольно выступившие слезы. Стало очень страшно. Солнце уже не прыгало по листве яркими зайчиками. Это сколько она пробродила в лесу? Несколько часов так точно, скоро стемнеет, неужели ей придется здесь заночевать? Страх придал силы, Эва вдохнула побольше воздуха и крикнула:

— Эй, есть кто-нибудь?

— Кто тут шумит? — зашелестел кустарник, тот самый, что тянулся через весь лес, и когда оттуда показался мужской силуэт, Эва не сдержалась.

Всхлипнула и бросилась навстречу, размазывая по щекам слезы. На шею кидаться, конечно, не стала, но в локоть вцепилась.

— Эвангелина? Ты как сюда попала? Ты что, за мной шла? — Он был не то что удивленным, скорее, обалдевшим.

— Я заблудилась, как хорошо, что ты меня услышал, — забормотала Эва, лихорадочно моргая и отпуская локоть парня, не хотелось выглядеть заплаканной малолеткой, потому что перед ней, глядя с недоверчивым прищуром, стоял Макар.

Глава 3

— **З**аблудилась? Как здесь можно заблудиться, мой дом отсюда не так далеко. — Макар удивленно ее разглядывал, и она совсем стушевалась.

— Да? Ну хорошо, ты мне просто скажи, куда идти...

Он оборвал ее, взяв за руку, и снова заглянул в лицо.

— Чего зареванная такая, в самом деле заблудилась?

Эва кивнула и закусила губу, чтобы снова не разреветься, на этот раз от стыда. Она правда плутала в трех соснах? Или, скорее, осинках? Если Макар сейчас поднимет ее на смех, она этого точно не переживет, но тот смеяться не собирался. Осмотрел ее с ног до головы, продолжая держать за руку.

— Давно бродишь?

Эва кивнула, он указал куда-то себе за спину.

— Поселок там. Здесь за кустарником речка. Тут полчаса идти максимум, ты по кругу, видать, ходила.

— А почему связи нет? — Она подавила всхлип и показала на телефон.

— Потому что антенна дохлая, и телефон дрова. Тебе что, Бессоновы не могли нормальный телефон купить?

— Это мама подарила, — сказала Эва, и Макар замолчал. Она аккуратно высвободила руку. — Я пойду. Скажешь, как мне дойти до поселка?

— А если снова заблудишься? — Он взял ее за плечо и развернул в сторону речки. — Нет, идем со мной, я окунусь, а ты подождешь. Обратном вместе пойдем. Не хочешь искупаться?

— Я? Так я же без купальника!

— Прикинь, я тоже! — Он засмеялся и подтолкнул ее вперед, она только успевала переставлять ноги.

Тала Тоцка

В ушах гулко ухало, сердце билось так часто и громко, что Эва опасалась, как бы не услышал Макар. Внутри играл настоящий оркестр. Он! Идет! С ней! Он позвал ее с собой, смотрел на нее, держал за руку. Теперь он шел впереди, разводя руками ветки, а она пешила следом и любовалась широкой спиной и крепким загорелым затылком. Как бы удержаться и не запищать от радости?

Кустарник вдруг закончился, и они вышли на крутой берег, который резко обрывался, нависая над неширокой речкой.

— Здесь глубоко? — спросила Эва, млея уже от того, что может вот так просто задать ему вопрос, пусть даже самый обычный.

— Попробуй — узнаешь, — усмехнулся Макар, — или ты плавать не умеешь?

— Умею.

— Так пойдём.

Она обхватила себя руками, с опаской глядя на Макара, тот снова ухмыльнулся и сбежал вниз по протоптаному спуску. Эва подождала и тоже спустилась к реке. Узкая полоска у воды была выложена досками. Макар начал раздеваться, а она несмело прилестилась с краю, подобрав ноги.

— Я здесь очень редко бываю, думал бассейн во дворе построить, но пока он не особо нужен. Потому на реку хожу, тут вода чистая, — сказал Мак, складывая джинсы, а потом добавил: — Мне от матери дом достался.

Его мать умерла, когда он только закончил школу, вспомнила Эва, наверное потому Мак больше не потешался над ее стареньким телефоном. И от этой мысли стало вдруг тепло. А потом она отвернулась, краснея, — Макар разделся донага и, абсолютно не стесняясь, направился к воде.

— Точно не пойдешь? — обернулся он к Эве. Та, не поворачиваясь, мотнула головой. Макар с разбега нырнул и исчез под водой, и только тогда она смогла поднять голову. Он плыл красивым баттерфляем, Эва откровенно любовалась отточенными движениями и искренне не понимала, какие могут быть Русланы, да кто угодно, когда на свете есть Макар.

Он вышел из воды, и Эвангелина тут же чрезвычайно озабочилась ползущим по травинке жуком. Макар уселся на доски, подставляя лицо солнцу, а затем кинул насмешливый взгляд на старательно отворачивающуюся Эву, взял футболку и набросил на бедра. Прикрыл глаза и застыл, похожий на античную статую. Теперь она могла вдоволь на него насмотреться.

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

Эва разглядывала смуглую загорелую кожу — когда успел загореть, лето только началось, или уже слетал на моря? — капельки воды на рельефном теле, и внутренне замирала, представляя, как собирает эти капли губами...

— Ты что, никогда голого мужчину не видела? — спросил, не открывая глаз, Макар.

— Видела, конечно, — фыркнула Эва, заливаясь краской. Она безбожно врала, где ей было видеть, особенно вблизи, особенно настолько совершенного...

— А чего тогда смотришь так?

— Сфотографировать хочу. Можно?

— Зачем? — удивился Макар и даже глаз приоткрыл.

— Я ничего тебе не подарила. Кстати, с днем рождения! — Когда он не смотрел, говорить было намного легче, но Эва очень старалась, чтобы было похоже на правду.

— А аудиосистема в машину?

— Это Алена от себя подарила. А я сделаю твой фотопортрет. Не переживай, у меня хорошо выходит, — поспешила она заверить Макара, но тот снова откинулся не доски, подложив руки под голову.

— Ну сфоткай, если хочешь. — Он помолчал, а потом вдруг спросил без перехода: — Они давно вместе?

— Н-не знаю, — от неожиданности она начала заикаться, — я отдельно живу. Алена мне сегодня только сказала.

Замолчали надолго. Эва сидела, боясь пошевелиться и подтянув колени к подбородку, а Макар лежал с закрытыми глазами. Может, уснул? Будить она его точно не собирается, придется ждать, пока не проснется, надо же как-то назад возвращаться. Она старалась больше не смотреть на его тело, потому что с ее телом начинали твориться странные вещи.

Внутри растекалось что-то горячее, поднималось вверх к солнечному сплетению и опускалось в самый низ живота. Это и пугало ее одновременно и завораживало, потому что ощущения были... необычные. Она уже была достаточно взрослой, чтобы понимать, что такое возбуждение, но никогда ей не приходилось испытывать его, только глядя на мужское тело.

«Хочешь, чтобы первым был Макар?»

— Так почему Э, а не Е?

Эва вздрогнула и испуганно подняла голову, но Мак по-прежнему на нее не смотрел, и она, слотнув, сообразила, о чем речь.

— Маме не нравилось, как звучит Евочка. Потому Эва.

Тала Тоцка

— Эвочка, — он будто попробовал на вкус и улынулся, — да, так действительно лучше. Как девочка.

— Ты уже обсох? — Пришлось сделать усилие, чтобы голос не дрожал. Он же не смеется над ней? Он просто шутит?

Вместо ответа Макар резко сел и повернулся лицом.

— А ты что, уже пофоткала, папарацци? Завтра я стану героем Инстаграма?

— Я ждала, когда ты откроешь глаза и поднимешься.

— Мне как-то особо позировать?

— Нет, сядь ровнее и обопричь на руки. — Эва показывала на расстоянии, не смея прикоснуться к нему, а тот и не настаивал.

Она отщелкала несколько снимков, а потом изо всех сил вглядывалась в экран, пока Макар рядом шуршал одеждой. Ей казалось, он нарочно ее дразнит.

— Все, отлипай от своего аппарата, папарацци! — прозвучал над головой смешок. — Идем дальше день рождения праздновать.

— Я обработаю фото и передам через Алену, — сказала Эва, Макар ничего не ответил, пропуская ее вперед.

Поднимаясь, она споткнулась о торчащий из земли корень и чуть не полетела носом вниз, Макар успел поймать, и от его рук, от его близости снова начала растекаться горячая волна, на этот раз из груди. Но все равно вниз. Эва шла, отставая на два шага, сердце готово было выпрыгнуть наружу, и только задумчивый и отсутствующий взгляд Макара помог ей справиться с этим изматывающим состоянием.

Когда они подошли к дому, Эва чувствовала себя совершенно обессиленной и опустошенной.

— Эвка, выпей за именинника! Ну что ты как неродная? — Алена подошла к ней и чуть ли не насильно всучила бокал с шампанским. Эва сделала вид, что отпила, хотела отставить бокал на подоконник, но затем сообразила, что если его все время держать в руках, то больше никто не станет приставать с пьяными приглашениями.

Вечер был в разгаре, начали с барбекю, а затем постепенно перетекли в холл. Подвыпившие гости разбились на пары, Эва старалась прятаться по углам и пореже мелькать у них перед глазами, но уйти в комнату ей мешало любопытство. Потому что пара Алена-Руслан разделилась, Алена болтала с Ингой, бросая

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

тревожные взгляды на пару Руслан-Макар, которые допивали уже вторую бутылку виски.

Невооруженным глазом было видно, кто решил целенаправлено накидаться и выпил больше напарника минимум вдвое. Руслан жестикулировал, о чем-то втолковывая Макару, а тот молчал, изредка упрямо мотал головой и пил. Пил, пил... Эве уже делалось страшно, наконец она не выдержала и подошла к ним, прихватив бокал. При этом Алена странно посмотрела на нее и подалась вперед, будто хотела что-то сказать, но потом передумала.

— Макар, хватит пить, тебе лучше лечь в постель.

Мак обвел ее мутным взором.

— А, папарацци, чего тебе? Выпьем за мой день рождения?

Он осмотрел свой пустой бокал, пустую бутылку. Хмыкнул, выдернул у Эвы из рук шампанское, расплескав половину, и отлил себе добрую часть.

— Макар! Тебе не надо пить шампанское! — раздался отчаянный возглас Алены, Руслан быстро взглянул на нее, потом почему-то на Эву и тоже попытался остановить приятеля:

— Мак, ну в самом деле, не понижай градус...

— Похер, — тот залпом выпил и отбросил бокал в сторону, — с днем рождения меня!

Затем поднялся довольно ровно и, похлопав Руслана по плечу, двинулся к лестнице. Алена продолжала растерянно переглядываться с Русом, Эва поставила свой бокал с остатками шампанского на дне и вышла на воздух. Вот бы пройтись сейчас к реке с Макаром... Она вспомнила растянувшееся на досках загорелое мужское тело в капельках речной воды, и ее снизу доверху пронзила сладкая дрожь.

Нужно принять душ и лечь спать, а перед сном можно и помечтать, представляя, как Макар притягивает ее к себе и целует, а она гладит тугие мышцы рук, груди, пресса... Эва вошла в дом и поднялась на второй этаж, но по пути к их с Аленой комнате ее перехватил Руслан.

— Эва, погоди, Мак выронил свой мобильник, можешь ему отнести?

— Почему я? — удивилась она. — Это не очень удобно, может, он не одет!

— Ты его видела? — рассмеялся Рус. — Он в таком состоянии, что ему точно все равно, одет он или нет. Пожалуйста, Эва!

Тала Тоцка

Она пожала плечами, взяла мобильник и подошла к спальне Макара. Постучала на всякий случай, а потом осторожно вошла, прикрыв за собой дверь.

— Мак, ты спишь? — тихонько позвала и тут же увидела Макара, лежащего на постели.

Он раскинулся, как морская звезда, и занимал большую часть своей просторной кровати, вокруг бедер было обернуто полотенце, и Эва облегченно вздохнула. Стараясь ступать неслышно, она подошла к тумбочке, положила мобильник, и тут сзади послышалось сиплое:

— Кого там принесло? Рус, ты?

— Я, — пискнула Эва, — это я, а не Рус.

— Папарацци? Что ты здесь делаешь? Снова меня фотографируешь? — Его речь была на удивление связной.

— Я принесла твой телефон, меня Руслан попросил.

— А можешь подать воду? Там на подоконнике бутылка.

Эва обернулась, увидела бутылку с водой и протянула Макару, тот неожиданно сел в кровати, одной рукой взял воду, а другой руку Эвы.

— Сядь возле меня, посиди... Да не бойся ты!

— Я не боюсь... Я думала, ты пьян.

Она и правда не боялась, Макар выглядел довольно вменяемым, только глаза лихорадочно блестели да еще стойкий запах виски висел плотным облаком. Мак тем временем приблизил лицо и взгляделся ей в глаза.

— Интересная ты такая... красивая... Эвочка! — А потом вдруг обхватил ладонью затылок и скользнул губами к шее. — Какая у тебя кожа нежная, Эвочка... девочка...

Тысячи мурашек побежали от пальцев ног вверх, по спине, а по позвоночнику потекла густая теплая волна. Если... если она просто поцелуется с Макаром, ничего ведь страшного? Ну вот совсем нет сил оттолкнуть его, наоборот, хочется подставляться под блуждающие по шее губы, уже спустившиеся до ключиц, он так их прикусывает, что у нее все замирает внутри... И одежда кажется совсем лишней... Нет, она не будет раздеваться, но футболку можно просто приспустить с плеч?..

Эва сама не поняла, как она оказалась подмята его телом — таким тяжелым, она не думала, что он такой тяжелый и... приятный на ощупь. Твердые, как выточенные, мышцы двигались под ее ладонями, а ей так нравилось их гладить! Она в свою очередь

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

попробовала захватить губами нависшего над ней мужчину, попала под подбородок и прикусила колючую кожу.

Неожиданно он застонал, и внутри нее что-то взорвалось, срывая предохранительный клапан — она может довести этого мужчину до того, чтобы он так стонал? Он вдавил ее в простыни, одежды на ней почему-то уже не было, как и полотенца на нем, сквозь затуманенное негой сознание попытались пробиться запоздалые отголоски разума:

«Эва, что ты делаешь, он же тебя не любит! Оттолкни его, вставай и уходи!»

«Не могу, уже не могу...»

Его губы и руки доводили до сумасшествия, она вдруг вспомнила сегодняшнее Аленкино: «Хочешь с Макаром?»

«Да, хочу!»

— Эвочка... Что ж ты такая сладкая...

А потом ее будто пронзили раскаленным металлическим стержнем, она вскрикнула, но лицо было прижато к крепкой груди, она в последний момент успела вывернуться, чтобы не задохнуться. Сознание мгновенно вернулось, вся истома слетела, ни мурашек, ни волн, осталась только жгучая боль, будто внутри нее зияла открытая рана. А еще надрывное, прерывистое дыхание и тяжелое неподъемное мужское тело, которое ни сдвинуть, ни столкнуть.

Глава 4

Макар разжал тиски, перекатился на бок, продолжая надрывно дышать, и Эва свернулась клубком, закрыв руками лицо. Она не представляла, как посмотрит сейчас ему в глаза. То, что произошло — чудовищная ошибка, она не должна была этого допустить. Теперь все ее ощущения казались надуманными, как она могла исходить желанием в его руках, понимая, что это всего лишь физиология? Макару после такого количества выпитого наверняка было все равно с кем. Кого нашел в своей кровати, того и...

Она чуть не разревелась от собственной слабости и бессилия, всему виной ее глупые мечты перед сном, в которых они с Макаром заходили чересчур далеко. Да еще и сегодняшнее купание добавило, и зачем только Макар ее нашел? Лучше бы она осталась блуждать по лесу, может, сама бы вышла к речке, а нет, Алена бы подняла всех на ноги. Сестра казалась достаточно испуганной, когда Макар привел Эву обратно, и она призналась Алене, что заблудилась.

Эва сейчас отчаянно ненавидела свое тело, которое столько времени казалось погруженным в спячку, а теперь сыграло со своей хозяйкой настолько злую шутку. Самым ужасным было то, что она на все пошла добровольно, и что теперь делать — не представляла.

Как отнять руки от лица и посмотреть на мужчину, который сейчас лежит рядом и так громко дышит? В которого она успела по уши влюбиться, который стал ее первым и которому это до лампочки, потому что он ничего ей не сказал, вообще ничего. Хотя должен был почувствовать, он же не такой новичок в сексе, как Эва.

Она набралась смелости, приподняла голову, и слезы сами собой потекли из глаз. Макар спал, развалившись на спине, закинув

ОН ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ

руки за голову, и хорошо, если он завтра вспомнит, кто был в его постели. С другой стороны, если уехать прямо сейчас, он ведь может ничего и не вспомнить? Главное, незаметно выйти из дома и вызвать такси — сейчас по локации такси приедет даже в такую глухомань.

Вот только денег у нее вряд ли хватит, но можно взять у Алены, одолжить, конечно. В их комнате наверняка никого, Алена у Руса, его спальня вроде как на противоположной стороне. Лишь бы она вещи не забрала с собой. Эва, судорожно всхлипывая, подобрала одежду, отчего-то валявшуюся на полу, быстро оделась и, убедившись, что в коридоре никого, тенью скользнула к их с Аленой спальне.

Ввалилась спиной вперед, щелкнула выключателем и остановилась в растерянности. Алена, сидящая на Руслане, вскрикнула и дернула на себя простынь, Рус недовольно сощурился.

— Эва? Ты чего здесь?

— А где я должна быть? — Она старалась не смотреть на обнаженную мужскую грудь, на сегодня ей выше крыши хватило голых торсов, и не только. Достала из шкафа сумку и принялась спешно складывать вещи.

Фотоаппарат, расческа, зарядка для телефона. В принципе все. Запасная одежда так и лежала в сумке. Ей бы белье сменить, только сначала в душ, а лучше в горячую ванну. Каждое движение отзывалось внутри болью, как будто металлический штырь из нее так и не вынули, хотелось смыть если не воспоминания, то хотя бы следы той самой физиологии...

Эта мысль заставила ее выпрямиться. Макар если и не вспомнит, то все увидит и на постели, и на себе. Каким бы пьяным он ни был, а меры предосторожности принял, видимо, у них это на автомате, у мужчин, или в подкорке зашито. Эва в отчаянии закусила губу.

— Мы думали, ты у Мака осталась, — нерешительно сказала Алена, и Эва удивленно оглянулась. Вообще-то, она о них уже успела забыть.

— С чего это вдруг я должна у него оставаться? — как можно более спокойно проговорила Эва, удивляясь собственной выдержке. Тут же в голову пришло, что Макар не полный дебил и вряд ли станет демонстрировать гостям измазанную простыню. И себя.

— Тебя так долго не было... — Алена жеманничала, но Эве отчего-то показалось, что та тушует и прячет глаза.

Тала Тоцка

— А Макар где? Спит? — недоверчиво переспросил Руслан.

— А где он еще должен быть? — ответила Эва, теряя терпение. — Послушай, это твой друг, а не мой. Я не нанималась за ним следить. Алена, можешь одолжить мне деньги на такси? Я верну.

— Зачем тебе такси? Завтра вместе поедем.

— Нет, мне надо сейчас! — Эва упрямо мотнула головой.

— Да, жаль. А я был уверен, что все получится. — Рус сел, вытянув руки перед собой. Эва удивленно моргнула:

— Получится? Что ты имеешь в виду?

— Ничего, — быстро сказала Алена, протягивая Эве несколько купюр, — вот, держи. Этого точно хватит.

— Спасибо, — Эва взяла деньги и вышла из комнаты, бросив на прощание «Пока!».

— Свет выключи! — крикнул ей вслед Руслан, но она уже ушла.

Такси пришлось ждать долго, Эва даже продрогла, но в дом возвращаться не стала бы под страхом смертной казни. В пути она даже задремала, в квартиру кралась на цыпочках, чтобы не разбудить Ирку. Забросила сумку в комнату и сразу отправилась в ванную.

Да уж... Лучше бы она этого не видела. Надежды на полную отключку сознания Макара разбились на тысячи осколков, как блюдо, которое она нечаянно уронила прямо на кафель, когда еще жила у Бессоновых.

Ванну среди ночи набирать не стала, довольствовалась душем. Утром заспанная Ирка с удивлением обнаружила ее на кухне с чашкой остывшего кофе и пристала с расспросами. И Эва рассказала, просто не было сил это держать в себе, а потом разревелась, конечно же, потому что держать в себе слезы было еще сложнее. Но как бы ни утешала подружка, камень с души снять это не могло.

— Тебе нужно поспать, Эвочка, — сказала Ира, а ее замутило. «Эвочка... девочка... такая сладкая».

Сегодня день обещал быть пасмурным, с утра собирались тучи, Эва неприятливо посмотрела на серое небо. «Не могли вчера насобираться, чтобы дождь пошел?» Она бы точно тогда никуда не поехала, ей очень нужен был дождь, чтобы отснять давно запланированную фотосессию. Именно в городе, так что она бы однозначно отказалась от поездки на дачу. А сейчас задернула